

A man in a dark brown trench coat, a matching fedora, and a dark tie stands in a field at sunset. He is holding a handgun in his right hand, pointing it towards the right. The background features a line of trees and a body of water under a sky with orange and blue hues. The overall mood is dramatic and noir.

Елизавета Берестова

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЁТ НЕКРОМАНТ
ИСТОРИИ
Том 2

ДЕЛО ЧЕСТИ

Елизавета Берестова

**Следствие ведёт некромант.
Истории. Том 1. Дело чести**

«Автор»

2026

Берестова Е.

Следствие ведёт некромант. Истории. Том 1. Дело чести /
Е. Берестова — «Автор», 2026

Следующая история, над которой верховному коррехидору Вилохэду Окку и чародейке на службе его величества – Эрике Таками придётся поломать голову, началась с самой обыкновенной дуэли. На этот раз нашим героям предстоит окунуться в незнакомую среду элитного артанского офицерства, где слово «честь» — не пустой звук. Вил и Рика разгадают немало тайн прошлого и настоящего, прежде чем смогут предъявить обвинение убийце.

© Берестова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Чистосердечное признание	5
Глава 2 Признание номер два	18
Глава 3 Последний секундант	29
Глава 4 Волшебство без волшебства	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елизавета Берестова

Следствие ведёт некромант.

Истории. Том 1. Дело чести

Глава 1 Чистосердечное признание

Приход весны немного затянулся в этом году. Весна словно решила скопировать свою предшественницу-зиму и принялась капризничать: то порадует людей тёплым ласковым солнышком, а то заплачет противным, затяжным, каким-то совершенно осенним, дождиком. Четвёртому сыну Дубового клана, графу Вилохэду Окку идти на службу в понедельник совсем не хотелось. Накануне он засиделся за карточным столом в мужском клубе «Красные и зелёные клёны» и из-за этого возвратился в свою резиденцию далеко за полночь. В итоге сильно не выспался, а в довершение всей картины у коррехидора начинал противно ныть левый висок, что обещало со временем перерасти в полноценную мигрень.

— Я велел вам на завтрак подать яичницу с остатками вчерашнего ростбифа, — проговорил камердинер Фибс, помогая Вилу надеть форменный мундир.

Недели две назад его величество Элиас принимал иностранных послов с континента и обратил внимание, что на западе даже дипломаты носят официальные мундиры. После чего повелел всем служащим Кленовой Короны взять на вооружение эту прекрасную традицию, то есть, проще говоря, приходить на службу в форменной одежде. Полковничий мундир Королевской службы дневной безопасности и ночного покоя был узким и не особо удобным, но носить его стало необходимостью. Вил повязал на шею шёлковый платок (чтобы жёсткий воротник с отделкой из вышитых золотом кленовых листьев не так натирал шею) и пошёл завтракать.

Голова болела всё сильнее, видимо, причиной тому кроме недосыпания стал очередной фортель погоды. На смену прекрасному тёплому воскресенью пришёл холодный понедельник с сильным, пронизывающим ветром, который нагонял с востока унылые клочья серых облаков. Коррехидор решил пройти пешком в надежде, что головная боль отступит под натиском свежего, весеннего воздуха.

Но это не помогло. В своём кабинете он сразу открыл форточку. Хотя на улице уже потеплело, отапливать помещение всё ещё продолжали, потому как погодные маги с упорством, достойным лучшего применения, пророчили скорое наступление аномальных и затяжных холодов. Прохлада улицы хоть чуть-чуть освежила воздух кабинета, поначалу показавшийся Вилу тяжёлым и каким-то спёртым.

Адъютант коррехидора Турада заглянул в кабинет и предложил заварить чашку чая. Попутно он сообщил:

— Вас тут один офицер дожидался. Я, натурально, спросил, какое у него дело, но он непременно хотел с вами лично переговорить.

Турада сделал многозначительное лицо.

Вил никого не видел в приёмной, поэтому поинтересовался, куда девался этот самый настойчивый офицер.

— Пошёл покурить, — пожал плечами адъютант, — он свою трубку прямо в приёмной достал, но я категорически запретил ему даже думать о курении. Не доставало ещё нам с вами по его вине провонять табаком! Он посидел-посидел, трубочку свою в руках повертел, а потом вышел куда-то. Я предполагаю, на улицу.

— Как появится, пускай зайдёт, — Вил подумал и добавил, — чаю всё же подай.

«Может, хоть с головой полегче станет», — подумал он про себя.

Чай Турада умел заваривать отличный. Жасминовый аромат плыл впереди подноса с фарфоровым чайником и тарелкой любимых печений коррехидора из рассыпчатого песочного теста с вкраплениями шоколадных кусочков. Вот только выпить этот замечательный чай коррехидор не успел, потому как в кабинете снова появился адъютант Турада и официальным тоном объявил:

— Портупей-поручик Окири к вашему сиятельству, — и отдал честь.

— Проси, — Вил внутренне поморщился от навалившейся на него мигрени.

В кабинет, позвякивая шпорами, вошёл молодой человек в алом мундире элитного королевского полка «Созвездие самоцветов» и отдал честь по всем правилам.

— Портупей-поручик Первого кавалерийского полка Майро Окири, — удар каблуков, короткий поклон.

— Присаживайтесь, поручик, — поморщился Вил. От звонкого голоса парня заломило и во втором виске тоже.

Тот ещё раз коротко поклонился, давая понять, что высоко оценил предложение присесть, откинул фалды мундира и с прямой спиной устроился на стуле для посетителей.

— Что вам угодно? – спросил коррехидор, разглядывая неожиданного посетителя.

Природа явно пожадничала в отношении поручика Окири по части красоты и стати. Он был невысок ростом, даже очень невысок. Хотя для высоченного коррехидора почти все встречные люди подчас казались ему совсем небольшими, но портупей-поручик ростом едва ли превосходил чародейку Рику, а если и превосходил, то совсем ненамного. Смуглый, черно-волосый, с коротким, прямым, толстым носом и полными губами. Весь его облик скорее отталкивал, нежели располагал к себе. В глаза бросался очень высокий, крутой лоб. Но вот глаза, большие и очень тёмные, были, действительно, хороши. Подобные глаза в дамских романах возвышенно характеризуют как «бархатные».

— Господин граф, — Окири встал, одёрнул мундир и проговорил хрипловатым баритоном, — я имею намерение сделать чистосердечное признание: сегодня ночью я убил человека.

Брови четвёртого сына Дубового клана невольно взлетели вверх. Стоявший перед ним молодой мужчина в алом мундире был первым, кто вот так запросто, с недрогнувшим лицом, признавался в убийстве.

— Осмелюсь спросить, — проговорил Вил, — кого именно вы убили, как, где и при каких обстоятельствах сие печальное событие произошло?

— Убитый – Никки Дайяма, обер-офицер Второго элитного полка дворянского охранения его величества Элиаса. Полк более известен под названием «Созвездие самоцветов», — отчеканил, словно на докладе командиру офицер. – Убил я его выстрелом из пистолета на дуэли, что произошла сегодня ночью. Выстрел пришёлся прямо в лоб, и Дайяма скончался на месте.

— Так, — коррехидор потёр левый висок, который явно лидировал по части головной боли, — теперь отставьте этот раздражающе-бравый, военный тон, ибо вы не на плацу, и с чувством, с толком, с расстановкой расскажите, как всё произошло. Постарайтесь не упустить ни одной детали.

Окири пригладил прядь волос, прикрывающую его высокий лоб и заговорил.

— Вообще-то, с Никки мы друзья с самого детства, — он смолк, проглотил комок в горле и добавил, — были. Имена наших родителей граничат, а сами родители приятельствуют. Мы, я и не упомяну с каких лет, играли вместе, потом поступили в одно Училище кавалерийских подпрапорщиков и гвардейских юнкеров. Закончили, стали служить в одном полку, только в разных отделениях. Я – в кавалерии, а Никки – в гвардии его величества. Вчера вечером мы оба проводили время в «Золотом эполете», это — офицерский клуб нашего полка. И хочу отметить, время мы там проводили весьма весело. Вы ведь знаете, как проводят досуг артанские офицеры?

— Нет, не знаю, — холодно заметил Вил, — просветите меня.

— Просвещаю, — кивнул его собеседник, — вино, азартные игры, немного продажной любви и, когда всё это вместе. Сели играть в карты по маленькой. У нас там сложилась отличная компания, в которой интерес к самой игре с её возможностями проявить тактическую хитрость, прозорливость, блеснуть феноменальной памятью и умением воспользоваться ошибками и слабостями противника гораздо важнее денежного выигрыша. Мы ведь на службе у Кленовой короны, и жалование наше – дайте боги каждому, поэтому выгода от карточных баталий уходит на второй план.

Он смолк, словно погрузился в воспоминания о минувшем вечере. Коррехидор ждал.

— Вина вчера мы с Никки выпили многовато, — продолжал Окири, — и, что самое обидное, повода-то надираться никакого не было ни у него, ни у меня. Просто взяли и напились. А подвыпивших молодцов на «подвиги» так и тянет. Зацепились языками, слово за слово, и сами не заметили, как шуточные замечания переросли в совсем нешуточные оскорбления, — он покачал головой, словно осуждал сам себя, потом продолжил, — я даже не скажу, какое остроумное (в кавычках) замечание переполнило моё терпение, кровь бросилась мне в голову, и я ударил Никки по лицу. Не то, чтобы прям со всей силы ударил, — уточнил он, — просто от души по роже съездил. Этого он вынести, конечно, не смог, честь офицера – дело не простое, да и удар в лицо – оскорбление не из последних, оно смывается лишь одним образом – кровью!

Окири снова смолк, а коррехидор ждал, он не собирался его прерывать. Пускай сначала изложит всю историю до конца, а вопросы подождут.

Офицер собрался с мыслями и рассказал о том, что сразу после публичной пощёчины последовал вызов.

— Никки перчатку мне прямо в лицо кинул, и для меня ничего не оставалось, как принять вызов. В противном случае пострадала бы уже моя честь, многие приятели, да и просто знакомые, не поняли бы, проглоти я подобное. От меня все отвернулись бы, что обернулось статусом изгоя в собственном полку. Это превратило бы меня в своего рода неприкасаемого: ни общения, ни помощи. За обедом со мной за один стол никто не стал бы садиться. Вызов был принят, и мы на моём магомобиле – щедрый подарок на свадьбу от родни жены, отправились к месту дуэли.

— Комендантская плотина – известное место, — продолжал он после очередной паузы, — для дуэли оно подходит как нельзя лучше: широкая дамба, ездят по ней редко. За ней — мощённая камнем полянка для пикников, окружённая вековыми вёслами, и Священные ворота, они ведут на лестницу и к храму какого-то забытого бога. Я, как человек не особо религиозный, так и не удосужился узнать, какого именно.

— Бога Дожей, — машинально пояснил Вилохэд.

— Возможно, — покладисто согласился Окири, — пускай бога Дожей. Магические фонари горели не все, поэтому было темновато. Условия дуэли мы обговорили самые обычные: стреляемся на двадцати шагах, по пять оставались для каждого, которые надо было сделать после того, как прозвучал сигнал: «Сходитесь!». Стрелять можно было на любом шаге. После того, как прозвучит первый выстрел, двигаться нельзя. В случае, когда промахиваются оба дуэлиста, начинаем заново, — он пожал плечами, как человек, принужденный разьяснять прописные истины, — белые перчатки на земле показали барьер, мы встали на позиции, секундант подал сигнал, и мы начали сходитьсь. Первый выстрел был моим, ведь вызов был брошен мне. Я шёл медленно. Честное слово, у меня не было и малейшего намерения убивать своего друга, поддавшегося глупому порыву; я последними словами ругал себя за несдержанность и чётко осознавал, что Никки с его упёртостью потребует повторения в случае, если мне вздумается выстрелить в воздух. Выход из ситуации мне виделся только один: лёгкого ранения вполне достаточно, чтобы охладить самую горячую голову. А голова у моего друга была ой, как горяча.

Последовал глубокий вздох, чувствовалось, что офицер приближается к самой тяжёлой части своего повествования и изо всех сил старается оттянуть трагический момент рассказа.

— Если б я только был более трезв! – проговорил он с горечью, — если б только мог предвидеть, к каким ужасным последствиям способно привести столь популярное у нашего поколения молодечество, когда само слово «честь» обретает так много оттенков смысла, что никогда не знаешь, когда преступишь невидимую границу, за которой невинное дружеское подтрунивание может обернуться открытой враждой.

На некрасивом лице поручика отразилась горечь, и он замолчал, словно осознавая важность названной им проблемы.

— Я понял вашу мысль, — кивнул коррехидор, — но сделайте одолжение, оставьте на время в покое недостатки всего вашего поколения и возвратитесь к дуэли.

— Да, да, — торопливо проговорил Окири, — извините меня. Видимо, я помимо своей воли оттягивал переход к самому неприятному моменту: гибели собственного друга от моей же руки. Господин коррехидор, — он поднял на Вилохэда свои глубокие, покрасневшие от бессонной ночи глаза, — я слышал, что вы сами отлично стреляете. Это так?

— Пожалуй, — кивнул Вил, — мне приходилось держать в руках и пистолет, и револьвер.

— Тогда вы лучше поймёте меня, — Окири потёр лоб даже с каким-то облегчением, — я тоже не могу пожаловаться на свою способность попадать в цель из огнестрельного оружия. Сказать по честности, — он грустно усмехнулся, — в полку у меня просто нет конкурентов в этом вопросе. Именно эта моя способность и сыграла роковую роль в нашей дуэли. Мы сходились. Никки ёрничал, дурачился и принялся вдруг надсмехаться над моим ростом. Впроштал, не будет ли мне неудобно воевать на собаке? Это он так о моей лошади отозвался, сетовал, что по уставу нельзя разъезжать на пони и предложил мне обратиться в Палату Корней и Листьев с целью получить подобное разрешение.

Окири снова пригладил прядь волос, маскирующую высоту его лба.

— Пони – это для меня очень большой вопрос, как, собственно, и малый рост, — он покачал головой, — у меня была старшая сестра, — с доверительными интонациями продолжал он. — Когда Юми исполнилось четырнадцать, а мне девять, на день рождения отец подарил ей чудесного крапчатого пони со странным именем Пушок. Мне, естественно, даже приближаться к Пушку не позволялось, а Юми гордо разъезжала на пони по имению и по его окрестностям. Через пару недель она уже начала прыгать через живые изгороди и низенькие заборчики. Мне было до страсти обидно и завидно. Признаюсь, я даже спать не мог спокойно, так жаждал хотя бы разочек прокатиться на Пушке. Почему-то я был тогда уверен, что с лёгкостью возьму любое препятствие из тех, что заставляли сестру мяться, останавливаться или же поворачивать назад. И вот однажды, пока Юми лежала в постели с температурой и кашлем, я улизнул от своего дядьки, пробрался в конюшню, оседлал Пушка и понёсся вперёд. Это было одно из самых прекрасных ощущений в моей жизни! Ветер ласкает лицо, кажется, будто ты летишь над землёй с лёгкой стремительностью ласточки, и тебе подвластно всё. Я погнал пони к кустам возле невысокого заборчика. Только накануне сестра три раза подъезжала туда, но так и не решилась взять препятствие. Я нёсся вперёд, предвкушая, как потом с небрежностью бывалого наездника стану рассказывать Юми о своём полёте над кустами цветущего жасмина, — Окири вздохнул, — полёт и правда был, и над кустами жасмина. Только вот летел не Пушок, а я. Удар о землю, резкая боль, и я отключился. Не знаю, кто и как нашёл меня, поскольку я пришёл в себя лишь на третий день в своей постели. Я чудом не стал инвалидом, навсегда прикованным к креслу. Позвоночник восстановился, но расти я перестал. Вернее, рос, но гораздо медленнее и как-то неравномерно. Ноги оставались короткими. Мама очень боялась, что я стану горбуном. Но, хвала богам и деньгам моих незабвенных родителей, они пригласили лучших чародеев-врачевателей, и те сумели вылечить лопину и срастить нервы. Я хожу, двигаюсь, даже неплохо танцую.

— Эту историю я рассказал вам, господин полковник, с одной лишь целью, — заговорил парень после того, как выпил тепловатой воды из графина на столе коррехидора, — чтобы вам лучше было понятно, ЧТО я чувствовал, пока проходил эти пять шагов до барьера. Пять шагов, за которые мой ум и чувства пришли в смятение от слов самого близкого друга; слов, исполненных ядом до самых краёв! Ведь Юми умерла от чахотки всего спустя шесть лет после истории с пони. Я до сих пор не могу смириться с несправедливостью её такого раннего ухода, да ещё и через полгода после свадьбы! А Никки словно ёкай за язык дёргал, мало того насмешки по поводу роста и пони, так он договорился до того, что обозвал меня карликом. Сказал, будто читал, что на далёком Чёрном континенте есть племя дикарей, они живут в безводной пустыне. Эти люди настолько малы ростом, что среди них я почитался бы высоким, и очень советовал мне туда отправиться, чтобы стать их вождём. Как раз в это время я поднимал руку, чтобы сделать свой выстрел. Клянусь честью, я намеревался попасть ему в плечо. Сие безопасно, но болезненно. Как раз подходит, чтобы заткнуть острослову рот и не дать ему реализовать свою угрозу «очистить этот прекрасный мир от мерзкого карлика». Винные пары и оскорбления сделали своё дело: всего лишь на одно мгновение я потерял контроль над собой, и пелена гнева окутала мой разум. Но этого самого мгновения вполне хватило, чтобы тренированная рука дрогнула и всадила пулю в лоб Никки, — Окири развёл руками, — когда я очнулся, мой друг лежал бездыханным в мертвенном свете магических фонарей с дыркой во лбу. Не требовалось медика, чтобы убедиться в том, что Никки Дайяма окончательно и бесповоротно мёртв.

— Что вы сделали далее? — спросил Вил.

— Мы вместе с секундантами отвезли тело Никки к нему домой, я упал на колени перед его женой и просил прощения. Она облила меня презрением и пожелала самой мучительной смерти, какую только боги способны ниспослать человеку, — голос портупей-поручика стал глуше, — я вернулся домой. Утром перед построением явился к полковнику и со всей честной открытостью рассказал о ночном происшествии. Он пообещал мне два месяца гауптвахты, разжалования в корнеты до осени и повелел, не теряя времени, отправиться к вам с повинной.

Вил задумался. Технически дуэли в Артанском королевстве были законны, они попадали под коренное право дворянства на защиту жизни, чести и достоинства. Дворянин не мог просто так убить равного себе. Для этого и придумали дуэли. Естественно, четвёртый сын Дубового клана был наслышан о прапрадедушке, который прославился в свою эпоху тем, что стрелялся множество раз. Отец гордо настаивал на ста дуэлях, но дядя Энóки его неизменно поправлял, утверждая, будто «сто» — это количество вызовов, которые знаменитый Сабуро Окку получил за всю свою долгую (а прожил он почти семь десятков) жизнь. Дуэлей у него было в разы меньше. Но со времени эпохи Элегантности, так именовалось время жизни прапрадедушки, дуэльная практика практически сошла на нет. Вил вспомнил, что в бытность свою студентом университета читал в газете о дуэли морских кадетов, закончившейся, к счастью, лишь небольшими порезами, парни дрались на саблях. Мнения газет тогда разделились: «Кленфилдский вестник» призывал короля и Совет кланов положить конец этой варварской практике, когда цвет нации истребляет друг друга из-за мелочных обид и всякого пустячного повода, а «Вечерний Кленфилд», напротив, восторгался артанскими традициями чести и преподносил публике неудачливых дуэлистов как настоящих героев.

— Вы не предпринимали попыток примириться? — спросил коррехидор, которому вся эта история с неожиданной дуэлью почему-то не нравилась. Или же виновницей странного царапающего чувства была усиливающаяся мигрень?

— Пытался, ещё как пытался! — горячо воскликнул Окири, — готов был принести любые извинения, хоть устные, хоть письменные, пускай даже в позе максимального почтения. Но Никки такой упрямец, нос к потолку задрал, и заявил, мол, подобное он прощать не намерен, а, напротив, намерен положить конец моим скитаниям по брэнной земле, ибо, как он выразился; «Таким подонкам и мерзавцам, как я, не позволительно существовать и отрав-

лять жизнь остальным, более достойным подданным Кленовой короны», — он горько усмехнулся, — да-да, он сказал это прямо мне в лицо, а потом добавил, что если по милости богов я промахнусь, он воспользуется случаем и всадит мне пулю прямо в нахальную рожу. Чтоб наверняка.

— У вас имелись основания полагать, что господин Дайяма исполнит свою угрозу? — спросил Вил.

— Кто знает? — пожал плечами портупей-поручик, — Никки был, конечно, чертовски вспыльчив, но его гнева надолго не хватало. Возможно, пока мы доехали бы до места, произвели все необходимые и положенные приготовления, он успел бы основательно поостыть, а, может быть, и нет. Тем паче, что я, — мужчина потёр свой высоченный лоб, который пересекала одна горизонтальная морщина от привычки морщить его по всякому поводу, — каюсь, не удержался и подначивал его всю дорогу. Подначки мои были детскими и глупыми, но я слишком злился на друга за всю эту идиотскую ситуацию, и никак не мог удержаться...

Коррехидор задал Окири ещё несколько уточняющих вопросов, взял с него обязательство ни при каких обстоятельствах не покидать пределов Кленфилда до окончания разбирательств и отпустил. Когда дверь за парнем закрылась, Вил с сожалением осознал, что чайник бесповоротно остыл. Пришлось позвать Тураду и попросить заварить чаю заново.

Но испить исходящего ароматным жасминовым паром напитка коррехидору утром понедельника так и не удалось, потому что на столе требовательно зазвонил магофон. Личный секретарь его величества Элиаса уведомил четвёртого сына Дубового клана, что его через полчаса ждут в Кленовом дворце. Магомобиль коррехидора остался в гараже дома, поэтому пришлось вызывать такси.

— Вы опоздали на четыре минуты, — вместо приветствия проговорил король, пряча в карман шёлкового халата карманные часы, — даже не хочу слышать объяснения, кои ваш изощрённый ум способен измыслить, дабы оправдать наплевательское отношение верноподданного к своему сюзерену, — он закинул ногу на ногу, обнажив стройную лодыжку, — я желаю знать, что за беспрецедентные безобразия творятся у вас в моём элитном полку.

— У меня? — искренне удивился Вил.

— Пускай, не у вас, а у НИХ, — поправился король, но недовольство его при этом никуда не делось, — полковник Хашиба с самого утра испортил мне настроение, про-между делом доложив мне, что один из его драбантов застрелил гвардейца дворянского охранения. Дожили! — монарх всплеснул руками, — Кленовая корона не ведёт войны, беспорядков в дальних префектурах тоже нет, живи себе, радуйся, служи спокойно. Так ведь нет! Давайте перестреляем друг друга к ёкаям собачьим! Столичные офицеры из элитнейшего полка, лучшие из лучших, не нашли себе другого занятия на выходных, как палить друг в друга.

Вил не совсем понимал, а уж, если говорить начистоту, совсем не понимал, какое он, как коррехидор Кленфилда, имеет отношение к безобразиям в полку «Созвездие самоцветов», и почему его величество Элиас адресует свои претензии ему, а не полковнику Хошибе.

Король при этом и не думал успокаиваться, его возмущение переключилось на современное поколение молодых людей, которое решительно ни на что не годится, и четвёртому сыну Дубового клана оставалось лишь гадать, почему именно он ответственен за недостатки нынешней молодёжи. Хотя король всего лишь пять лет назад перешагнул тридцатилетний рубеж, он считал себя вправе смотреть на двадцатипятилетнего кузена свысока прожитых лет, причисляя себя к старшему поколению.

— Повелеваю, — проговорил его величество, — провести всестороннее расследование печального инцидента в полку «Созвездие самоцветов», выявить причины, повлекшие смерть офицера моей гвардии, и составить регламент действий, необходимых для предотвращения подобных безобразий в будущем. С Гевинотом я поговорю отдельно, — он кивнул каким-то своим собственным мыслям, — Совету кланов давно пора пересмотреть своё отношение к

практике дозволенного убийства, которая веками прикрывается фиговым листком дела чести! Выделяю вам, кузен, на всё про всё четыре дня. На пятничном докладе ожидаю ваши выводы и предложения. У меня на этом всё, — король сделал отпускающий жест, — но я очень высоко оценю, если вы управитесь за три дня.

Вил склонил голову в поклоне. Последние слова короля означали, что у него в запасе не четыре, а три дня. Коррехидор так до конца и не понял, зачем его вызывали в Кленовый дворец. Более всего было похоже, что его величество просто таким образом выпускал пар и улучшал своё настроение.

За время его отсутствия Турада успел связаться с полковником Хошиба и получить информацию о секундантах злосчастной ночной дуэли.

— Все четверо также служат в полку «Созвездие самоцветов», — сообщил адъютант, для порядка сверившись с листком, на котором его каллиграфическим почерком были записаны данные, — Сёё Кагията и Дэнзи Вилард служат в кавалерии вместе с портупей-поручиком Окири, а Тассэ Изуми и Цуки Манива – сослуживцы убитого. Они из дворянского охранения. Кагията и Манива в данный момент на службе: Манива в Кленовом дворце, а Кагията в гарнизоне. У Изуми и Виларда свободные дни. Они приходили на построение и развод, позавтракали в офицерской столовой, после чего были отпущены восвояси. Адреса этих господ записаны на отдельном листе, — Турада наглядно продемонстрировал листок с адресами.

— Хорошо, — вздохнул коррехидор, — спасибо.

Он положил листки в карман и подумал, что с такой сильной головной болью (с ней не справился даже порошок, который коррехидору удалось мимоходом выпить в Кленовом дворце) от него, как от работника будет мало толку. Поэтому, прихватив с собой подбитую мехом куртку и форменную фуражку, он спустился на цокольный этаж к Рике.

Чародейка скучала над учебником по прикладной магии, на чём свет ругая саму себя за то, что повелась на провокацию подруги. Эни Вада, одержимая модой на кудрявые волосы, подначила Рiku освоить простое заклинание по «приданию волосам естественной кучерявости на целых пять месяцев без вреда для качества и количества самих волос». Хитрюга-Эни посмела публично на кухне в присутствии их квартирной хозяйки усомниться в том, что потомственной некромантке под силу освоить подобное заклинание, потому как «самая её природа противоречит всему светлому и живому». Видимо, естественная кучерявость, обещанная специалистами по косметической магии и есть самое светлое и живое в мире. Рика возмутилась и, к величайшей радости подруги, заявила, что на освоение этого простенького заклинания ей вряд ли потребуется больше получаса.

Однако чародейка поторопилась, ещё как поторопилась и явно переоценила свои возможности по части совершенно чуждого раздела магического искусства. Хорошо ещё, что ночь с воскресенья на понедельник выдалась спокойная, и кроме замёрзшего в луже пьяницы трупов в коррехидорию не привозили. С пьяницей она разобралась относительно быстро, и теперь погрузилась в непонятную и запутанную процедуру по временному изменению структуры и качества «стержня волоса головы». Мало того, что автор учебника страдал многословием, он постоянно отвлекался на совершенно ненужные аналогии и пояснения, не брезгуя отсылками к случаям из собственной жизни, а также апеллировал к жизненному опыту его друзей и знакомых. Всё это настолько отличалось от академических учебников и справочников, которыми привыкла пользоваться Рика, что девушка терялась, злилась и мысленно посылала не мало проклятий на голову автора, благоразумно сокрывшего своё имя и фамилию под вычурным псевдонимом Властитель красоты.

К ней в кабинет после короткого, дежурного стука вошёл коррехидор. Он был бледен и мрачен.

— Доброго дня, — бросил он, — вы сильно заняты?

— Не особо, — пожалала плечами чародейка, — с утра всего один покойник. Я с ним давно разобралась, отчёт на столе. Не думаю, что вам срочно нужно заключение о смерти пожилого алкоголика из-за переохлаждения.

— Конечно, нет, — через силу улыбнулся Вил, голова у него болела так сильно, что в правом глазу началось неприятное мелькание, которое распространялось от нижнего угла зрения к середине. — К вам я зашёл совсем по другому поводу. У меня зверски разболелась голова, и я очень надеюсь на вашу помощь.

— Я как-то больше по другому вопросу, — усмехнулась Рика.

Одним из излюбленных боевых заклинаний девушки были болевые спазмы. Они ей удавались практически без усилий и действовали безотказно. А вот по части лечения чародейка испытывала определённые сложности.

— Мне, действительно, нужна ваша помощь. Попробуйте. — Проговорил коррехидор, устраиваясь на стуле, — работа мне предстоит вроде бы несложная, но его величество в своём духе, выделил мне всего три дня, так что очень прошу помочь. Порошок никакого результата не дал.

— Хорошо, — согласилась Рика и потянулась за блокнотом.

В этот потёртый блокнот она, ещё будучи студенткой, начала записывать важные заклинания, которые могут понадобиться. Среди них было и несколько медицинских, таких чтобы иметь возможность оказать первую помощь и себе, и другим. Заклинание от головной боли наличествовало. Девушка полистала блокнот, отыскала нужную страничку и полезла в саквояж за необходимыми составляющими, мимоходом вызвав своего фамильяра Таму – череп любимой трёхцветной кошки. Тама весело затрепыхала крылышками бабочки-бразника и закружилась под потолком вокруг магического светильника словно гигантский адский мотылёк. Но вдруг быстро успокоилась и подлетела к Вилохеду, словно почувствовав, насколько тому плохо.

Чародейка достала эфирное масло апельсина, капнула пару капель на кусочек сахара, чуточку опалила его в пламени свечи и зачем-то дала лизнуть Таме. Фиолетовый, шершавый язычок пару раз прошёлся по сахару и окрасил его в такой же фиолетовый цвет. Коррехидор подумал, что в случае предложения употребить лечебный сахар внутрь, он категорически откажется. Брать в рот препарат, облизанный пускай даже призрачным котом, совсем не хотелось. Рика продолжила ритуал. Она не стала предлагать коррехидору облизанный сахар, а просто растворила его в небольшом количестве вина из початой бутылки. Бутылка эта пылилась в шкафу со времён рикиного предшественника. Ушедший на покой коронер был большим любителем опрокинуть рюмочку-другую в конце рабочего дня. Вино девушка нагрела, после чего бросила в стакан волос начальника, который вспыхнул голубоватым пламенем, не долетев до бордовой поверхности более чем странного напитка. Последним штрихом стали какие-то подозрительные коричневые кусочки, вызвавшие у Вила ассоциацию сдохлыми таракашками. Они тоже сгорели, но цвет пламени изменился на оранжевый.

Чародейка поболтала содержимое стакана, прошептала что-то над ним, превратив странную жидкость в желе.

— Готово, — проговорила она, отогнав фамильяра, норовившего сунуть свою костяную мордочку в стакан.

— Вы хотите, чтобы я это выпил? – смоляные брови четвертого сына Дубового клана сошлись на переносице.

— Выпили? – чародейка подняла на него удивлённые глаза, а череп-Тама оскалил зубы в беззвучном смехе, — естественно, нет. Подобное зелье подходит только для наружного применения. Поднимите волосы со лба, я натру вам виски.

Коррехидор смутился, но строго выполнил просьбу Рики. Та наклонилась над зельем, произнесла сложную фразу на неизвестном коррехидору языке, после чего осторожно натёрла остро пахнущей мазью лоб и виски мужчины.

Мазь приятно холодила и заглушала противную тянущую боль. Потом чародейка положила руки на макушку Вила, сосредоточилась и представила как вытягивает из головы начальника все болевые ощущения, визуализировав их для себя в виде мутного дыма тёмно-коричневого цвета. Тама подстроилась под действие хозяйки, заглатывая дымную боль. Облизнулась, провела призрачным язычком по голове коррехидора, как будто зачищая болевые остатки, и преспокойно уселась на плече чародейки.

— Просто отлично! – воскликнул Вил, когда девушка отняла руки, — вы не представляете, как вы мне помогли. Не скажу, что мигрень прошла совсем, но жить уже можно.

— Я, конечно — не целитель, — Рика убирала всё, что осталось от ритуала, — но сделала всё, что в моих силах.

— И снова я у вас в долгу, — коррехидор начал ощущать вкус к жизни, — посему имею честь пригласить вас отобедать со мной нынешним вечером. Я заеду за вами, как только разберусь с делами. Отказа ни за что не приму, — на всякий случай закончил он.

— А какие у вас за дела сегодня? – повернулась к нему чародейка.

— Так, ничего особенного, — пожал плечами Вил, — просто произошла обыкновенная дуэль, закончившаяся смертью одного из участников. Информация добежала до Кленового замка, его величество вышел из себя и повелел вашему покорному слуге разобраться в досадном происшествии в самые кратчайшие сроки. Вот теперь я должен опросить секундантов, составить отчёт и набросать свои предложения по предотвращению смертоубийства среди цвета артанской нации.

— У меня к вам встречное предложение, — проговорила чародейка, отправив фамильяра в духовный план, — возьмите меня с собой на дело о дуэли. Я тут со скуки помираю. Пьяница давно обследован, и в его трупе нет ровным счётом ничего интересного. До конца рабочего дня ещё куча времени, а так я хотя бы вам помогу. Ну, пускай, не помогу, а просто составлю компанию. Это лучше обеда в ресторане.

— Соглашаюсь от всего сердца, — улыбнулся Вил своей знаменитой улыбкой, которую журналисты светской хроники именовали не иначе, как «поражающей дам в самое сердце», — буду только рад.

— Я ещё и показания записывать буду, — пообещала чародейка, беря с вешалки свою шляпу, — вам после такого сильного приступа мигрени лучше глаза не напрягать, и, вообще, стоит бережно отнестись к своим силам.

— Слушаюсь, госпожа доктор! – мужчина шутливо отдал честь, — позаботьтесь обо мне, госпожа доктор.

— Уже позаботилась, — пробормотала себе под нос девушка, — идёте.

Вил забрал свой магомобиль и сказал, что начинать опрос свидетелей им лучше с Кленового дворца, один из секундантов сегодня дежурит, а второй снимает квартиру поблизости.

— Тураде, когда он включает голову, просто цены нет, — прокомментировал коррехидор собранную адъютантом информацию, — я даже задания ему дать не успел, а он уже подготовил полноценную справку с местом службы и домашними адресами.

— Не думала, что у военных дуэли до сих пор в ходу, — заметила чародейка, вздрогнув от шороха крыльев птицы, чудом не впечатавшейся в их лобовое стекло.

— Я тоже не задумывался над этим вопросом до сегодняшнего утра, — согласился Вил, — но, как видите, вопросы чести – не пустой звук для нынешних офицеров.

Он кратко рассказал о признании кавалериста Окири и перечислил обстоятельства ночного происшествия.

— Право дворянина отстоять свою честь в поединке закреплено законами Артанского королевства ещё со времён империи, — подытожил коррехидор, — и право сие никто не отменял. Таким образом, двое молодцов перепились в офицерском клубе, повздорили и встали

к барьеру. В итоге один в гробу, а другой на гауптвахте. Полковник Хошиба обеспечил ему понижение в звании на полгода.

— Легко отделался за то, что легально отправил врага на тот свет, — усмехнулась девушка.

— Если бы врага, — возразил Вил, — друга! Они вроде бы с самого детства дружили.

— В народе говорят: «От любви до ненависти – один шаг». Видать, и от дружбы до вражды – никак не более.

— Все офицеры служат в одном элитном полку, — продолжал коррехидор, — «Созвездие самоцветов». Может, слышали? – Рика кивнула, — Окири и пара его приятелей – кавалеристы. Туда берут невысоких брюнетов. А Изуми и Манива – секунденты со стороны погибшего, из гвардейского дворянского охранения. Для охраны государя отбирают высоких, статных и желательно, чтобы цвет волос у них был посветлее.

— Вот уж не думала, что в армии людей распределяют не по способностям и личным достижениям, а по масти и стати, — усмехнулась Рика.

— Его величество высок ростом, — пояснил Вилохэд, — больше шести сажу. Только представьте, насколько потешно он выглядел бы в окружении гвардейцев вашего.

— Да, — согласилась девушка, — его величество станет похож на учителя среди учеников.

— Поэтому-то и пришлось ввести своеобразный ростовой ценз для гвардейцев.

Дорога поднялась на холм, где над водами спокойной Журакавы высилась громада королевского дворца. Поручик Манива был в карауле, и его коррехидор с чародейкой нашли неподалёку от кабинета его величества Элиаса. Вил даже видел этого статного красавца с совершенно прямой спиной сегодняшним утром. О таких обычно принято говорить, что он катану проглотил, но тогда Вил не подозревал, что ему отдавал честь их свидетель. Начальник караула, пожилой артанец с копной непослушных, поседевших на висках волос, предложил им пройти в караульное помещение. Там вести разговор будет удобнее.

Чародейка подумала, что служебное помещение для личной охраны государя вполне себе могло посоперничать с гостиной в богатом доме. Бархатные диваны и кресла, бар с отличным выбором вин, поднос с курительными принадлежностями и табаком трёх сортов, кофейный столик с магическим подогревом кофейника и множество иных полезных и приятных вещиц, которые сразу не бросаются в глаза, но именно они и именуются роскошью, недоступной простым смертным.

— Располагайтесь без стеснения, ваше сиятельство, — радушно предложил начальник караула, — поручика Маниву я тотчас пришлю сюда. Занимайте его время, сколь вам потребуется, я сам, лично, подежурю у двери его величества.

— Приветствую вас, ваше сиятельство, — негромко поздоровался вошедший мужчина, одетый в зелёный гвардейский мундир, — я весь к вашим услугам, — он чуть наклонил голову.

Рика подумала, что в полку «Созвездие самоцветов» подразделения разделили королевские цвета: кавалеристы получили багряный оттенок осенней кроны знаменитых королевских клёнов, а гвардейцам осталась сочная зелень летней листвы.

— Присаживайтесь, поручик, — Вилохэд сделал приглашающий жест, — у Королевской службы дневной безопасности и ночного покоя к вам несколько вопросов.

— Как я понял, — снисходительно кивнул мужчина, — они будут касаться ночной дуэли?

— Именно.

Рика исподволь разглядывала офицера. Породистое, чуть тяжеловатое лицо с глубоко посаженными внимательными глазами, пожалуй, можно было бы назвать привлекательным, если бы с него хоть на мгновение сошло то странное, высокомерно-презрительное выражение, с каким Манива взирает на офицеров Королевской службы дневной безопасности и ночного покоя. Такая мина более подошла бы человеку, внезапно натолкнувшегося на что-то непри-

ятное, при том, что это «что-то» совершенно не заслуживает его внимания. И не просто не заслуживает, а порождает неплохо скрываемое отвращение, сходное с тем, что испытывают люди, вынужденные перешагивать через раздавленную телегой жабу.

— Вы разговариваете с верховным коррехидором Кленфилда, — напомнил Вил, назвав себя и представив чародейку, — посему извольте представиться по всем правилам.

Офицер слегка смутился, одёрнул мундир, щёлкнул каблуками и проговорил своим безразличным голосом, но немного погромче, нежели обычно:

— Поручик гвардейского подразделения дворянского охранения его величества Элиаса Цуки Манива, Буковый клан.

Последовал вежливый поклон.

— Итак, — проговорил коррехидор, — присядьте и расскажите нам последовательно и подробно о событиях, предшествовавших дуэли господ Окири и Дайямы, а также о протекании самой дуэли.

Рика вытащила блокнот коррехидора и приготовилась записывать. Она сама добровольно взяла на себя эту миссию, чтобы Вилохэду не нужно было напрягать зрение. Подобное усилие запросто могло спровоцировать рецидив головной боли.

Манива выдержал паузу, словно старался вспомнить малейшие подробности минувшего вечера, потом заговорил:

— Дуэль была во второй половине ночи. До этого оба фигуранта играли в карты в нашем клубе. Я уж и не упомню, по какой причине случилась ссора, — Манива покачал головой, — меня азартные игры интересуют чуть меньше, чем никак. Я – потомок старого древесного рода и в средствах нимало не стеснён, посему обогащение в карточных баталиях я оставляю на долю таких обедневших товарищей по полку, как Рябчик.

— Рябчик? – переспросила чародейка. Она не поняла, кого именно собеседник имеет в виду.

— Да, Рябчик, — усмехнулся поручик Манива, — я об Окири. Это прозвание прилепилось к нему ещё со времён юнкерской школы. После того, как Окири поехал на каникулы в имение и умудрился где-то по дороге подцепить оспу. Рябое лицо, заносчивость, не соответствующая положению, яркий мундир. Кто же он ещё, как не Рябчик?

— Значит, свидетелем самой ссоры вы не были? – уточнил на всякий случай Вил.

— Нет, — подтвердил мужчина, — громкие, возбуждённые голоса до меня доносились, но вот в чём там было дело, я конкретно сказать не могу. Потом все вдруг быстренько собрались и поехали к Комендантской дамбе. Мы в это уединённое местечко ещё юнкерами хаживали, дабы в спокойной обстановке распить бутылочку-другую сакэ. Там парни встали к барьеру, и готово дело. Дайяма лежит с дыркой в голове.

— Он успел выстрелить? – спросила Рика. Она сделала пометку о дамбе Коменданта, припомнив, что оттуда поднимается лестница в храм дождевого бога.

— Вы о Дайяме? – повернулся в её сторону офицер, — не могу сказать точно, может, и успел. Я сильно набрался тем вечером, в висках шумело, да и в сон чертовски тянуло. Едва дождался, пока покойника домой к жене отвезут. После сразу спать завалился.

— Вы так спокойно рассуждаете о смерти своего полкового товарища, — не выдержала Рика, — словно речь идёт не о гибели молодого мужчины, а о лишнем стакане вина, который вы либо выпили, либо нет, ибо сильно утомились.

— Послушайте, госпожа чародейка, — правый уголок рта Манивы отъехал вниз в презрительной ухмылке, — мы – не кисейные барышни, а офицеры королевской гвардии. И много чего успели повидать в этой жизни. Если бы не эта наша дурацкая мода на молодечество, безумно популярная у нашего поколения! – он покачал головой точь-в-точь, как старик, осуждающий молодёжь, — когда само слово «честь» приобретает такое количество значений и

смыслов, что ты никогда не знаешь, в какой треклятый момент дружеское подтрунивание превращается в откровенную вражду.

Он смолк, а коррехидор не торопил его, предоставляя полную возможность высказаться без помех и наводящих вопросов.

— Мы все просто стали невольными свидетелями того, как алкоголь и гипертрофированное самомнение свели в могилу молодого, полного сил мужчину, — продолжил Манива, — грустно и глупо. Ему бы жить, да жить. Детей родить, Никки недавно женился, — парень вздохнул, — повезло: жена – красавица, каких мало, да ещё и приданое за ней хорошее дали.

— Вы с Дайямой дружили? – подняла голову от блокнота чародейка.

— Не сказал бы, что мы дружили или даже приятельствовали. Просто служили в одном полку и проходили обучение в одном училище. Я старше на курс. Но знакомы мы, естественно, были, кланялись друг другу, временами парой фраз перебрасывались.

— А Окири?

— Что Окири? – переспросил офицер.

— Дайяма дружил с Окири?

— И да, и нет, — скривился свидетель, — эта парочка ещё в училище всеобщим посмешищем была. То вместе – не разлей вода, а то надуются, разобидятся, гадостей наговорят, чуть ли в глотки друг другу вцепятся. Драконы – у нас так юнкеров звали, этих ящериц не один раз разнимали.

— Ящериц? – снова переспросила чародейка, — она не понимала всех этих отсылок к животному миру и артанской мифологии.

— Господин полковник, как мне кажется, тоже учился в кадетском Морском корпусе? – прищурился Манива, — его ведь возглавляет ваш старший брат. Я не сомневаюсь, что у сэра Вилохеда в жизни тоже случался период, когда он ходил в «хвостатых», и лишь по истечении первого года обучения состоялось торжественное посвящение в «высших».

— Господин полковник учился в Кленфилдском университете, — усмехнулся Вил, — а в учебном заведении моего старшего брата любые попытки записать себя в «небожители», а кого-то в «пресмыкающиеся» строго наказываются публичной поркой.

Ответ коррехидора совсем не смутил офицера. Он кивнул, словно принимая к сведению странные обычаи Морского корпуса, после чего повернулся к чародейке и объяснил ей, что в Кленовом училище кавалерийских юнкеров и гвардейских подпрапорщиков издавна заведена своеобразная система воспитания младших старшими с целью привития последним правильного образа мыслей и должного отношения к традициям полка.

— Как правило, при переходе в драконы у кадета отпадает не только мифический хвост, но и прозвание из области животного мира, — продолжал рассказывать Манива, — но из-за сволочного характера прозвище Рябчик навсегда прилепилось к Окири и перекочевало в полк. Он, конечно, из кожи лез вон, чтобы прославить это свою птичью кличку, даже пытался бравировать ею, сам себя именовал так при всяком удобном и неудобном случае, даже пару нарядов схлопотал, когда закончил рапорт проверяющему из Военного министерства словами: «Всё спокойно, ваше сиятельство. На часах – портупей-поручик Рябчик». Проверяющий назвал Окири безответственным и безнравственным молодым шалопаем, расшатывающим устои артанской армии, и вклеил наряды не только шустрому сверх меры Рябчику, но и командиру подразделения. А Окири понял, что бабушкин совет: «Не обращать внимания на обидные клички, а лучше довести прозвание до абсурда» не всегда даёт результаты в реальной жизни.

— Странные отношения Окири и Дайямы продолжались и сейчас? – подал голос коррехидор.

— Точно сказать не берусь, — пожал плечами их собеседник, — ибо ни с кем из этой странной парочки отношений не поддерживаю. Я в армии – лицо временное, и задерживаться надолго не собираюсь, посему и близких друзей намерения заводить не имею.

— Странно, — заметила Рика, — вы пошли учиться в военное училище, закончили его и не собираетесь продолжать служить Кленовой короне? Всем чародеям отлично известно, что после Академии магии вся твоя жизнь так или иначе будет связана с колдовством.

— Не берусь говорить за всех выпускников Кленового училища гвардейских подпрапорщиков, — усмехнулся уголками рта Манива, — причины поступления на учёбу у всех различны. Я, к примеру, никогда не мыслил связать своё будущее с ношением эполет, — он щёлкнул пальцем по золоту погона, которые ввёл отец короля Элиаса после визита на континент, — в училище меня привело отчисление с первого курса университета за академическую неуспеваемость. Стыдно признаваться в подобном шалопайстве, но, увы, это так. Глава Букового клана усмотрел в этом позорное пятно, которое я обязан смыть пятью годами службы в лейб-гвардии дворянского охранения.

— Сама дуэль прошла по правилам? – спросил Вил.

— Регламент был соблюден, — чуть наклонил голову Манива, — условия стандартные. Вернее, стандартные, согласно классическому Дуэльному кодексу Эпохи элегантности. Разошлись, сошлись, Окири выстрелил и попал прямо в лоб. Вы, естественно, не знаете, но у нас за Рябчиком его слава стрелка со времён кадета птичьим хвостом идёт. Талантище. Из любого оружия, любой позиции, даже с завязанными глазами в десяточку попадает. Они с Дайямой ещё юнкерами представление устраивали. Если собутыльники четверть рё соберут, Никки себе на голову пустую бутылку водружал, а Рябчик с разворота её пулей из пистолета разносил.

— И не боялись, что осколки лицо посекут? – деловито поинтересовалась чародейка, удивившись подобной шальной удали.

— На голову под бутылку шляпу надевали.

— Идиоты, — прокомментировала себе под нос девушка.

— Что есть, то есть, — согласился Манива, хорошо расслышавший замечание, — но пьяному море по колено. Я и упомянул об этом лишь для того, чтобы проиллюстрировать способности Рябчика по части стрельбы.

— Что ж такой отменный стрелок не проучил своего друга выстрелом в руку или ногу, — не унималась чародейка, — зачем прямо в лоб палить?

— Богам одним сие ведомо, — философски заметил офицер, — почему он так поступил. Дайяма тоже сострить не промах был, и подначки его, подчас, покруче Рябчиковых бывали. Может, ляпнул что.

— А вы не слышали, что именно, — уточнил коррехидор, сдерживая болезненную гримасу. Действие Рикиной мази начинало слабеть, и левый висок снова начал наливаться болью.

— Не прислушивался, — отчеканил Манива, — моё дело было за соблюдением всех правил следить, а не на дурацкие шуточки внимание обращать.

— Кто готовил оружие?

— Секунданты вызванного, — ответил свидетель таким тоном, словно это было общеизвестным фактом, — было ли запасное, не скажу. Да и нужно ли? Все участники – офицеры, плохие пистолеты на дуэль не возьмут.

Вил вздохнул и сказал, что Манива может быть свободен.

Глава 2 Признание номер два

— По-моему, — проговорила чародейка, — пока вся эта история с ночной дуэлью до зубовного скрежета скучна: двое молодых и ретивых болванов поссорились, и в пьяном угаре один пристрелил другого. Я почему-то навоображала себе тайны, преступление и всё такое.

— Королевской службе дневной безопасности и ночного покоя порой приходится разбираться и с обычными несчастными случаями, — пожал плечами коррехидор, — но я вас заверяю, у нас и три спокойных дня подряд не так уж часто случаются. Непременно кто-то кого-то убьёт. Так что наслаждаемся пока рутинной и несложной работой. Опросим секундантов-свидетелей, составим отчёт, а после этого я набросаю несколько предложений для нашего венценосного кузена по внесению изменений в дуэльный кодекс. Вот с этим придётся поднапрячься, я даже отдалённо не представляю, что его величество от меня хочет. Поэтому перенесу сию работу на завтрашний день.

— Кто у нас дальше по списку? – девушка сверилась с листочком, на котором Турада-Дурада записал адреса участников дуэли. – Тассэ Изуми живёт совсем неподалёку. Я знаю улицу Девичьих вздохов, — она кивнула какому-то своему воспоминанию, — там расположена отличная недорогая лавка магических составляющих. Все мои однокурсники туда бегали. Значит, к Изуми?

— Да, это разумно. Поговорим с ним и поедem к кавалеристам, их полк квартирует на северной окраине Кленфилда в местечке, известном, как Императорские дачи. Там поговорим с секундантами Окири.

На улице Девичьих вздохов ориентиром им послужил небольшой магазинчик, крыша которого была оформлена в виде остроконечной шляпы волшебника. Чуть ниже, там, где широкая мостовая спускалась к набережной реки Журакавы, нашёлся доходный дом, где снимал жильё Изуми. Это была добротная постройка прошлого столетия в три этажа высотой с новомодными оконными рамами, сделанными по континентальному образцу. Коррехидор два раза требовательно позвонил в дверь угловой квартиры на втором этаже, но ответа так и не дождался. Он поднял руку, чтобы позвонить в третий раз, но его остановила чародейка.

— В квартире нет никого живых, — проговорила она, — можете не сомневаться. Чутьё некромантки не подводит.

— Хотите сказать, что владелец квартиры мёртв? – нахмурился Вилохэд.

— Нет, что вы! – Рика широко раскрыла свои зелёные глаза, — мертвецов за этой дверью тоже нет. Просто пустое помещение. Я думаю, поручик Изуми вышел куда-то. У него свободный день, с какой стати молодому офицеру проводить его, сидя дома?

— Раз так, то давайте заедem к нему позднее, — решил коррехидор, — а пока отправимся переговорить с кавалеристами. Императорские дачи ждут нас.

Чародейке ни разу не доводилось бывать в Императорских дачах, но она была наслышана об этом местечке, расположенном на горячих минеральных источниках, где очень любила отдыхать артанская знать. В летнее время там спасалась от изнуряющей столичной жары королевская семья вместе с гвардией, фрейлинами вдовствующей королевы-матери и нынешней фаворитки его величества – леди Самирэ. О проходящих там маскарадах, катаниях на лодках и прочих увеселительных мероприятиях частенько писали в газетах.

Казармы Созвездия самоцветов поражали размерами и удобством. Они более походили на дорогую гостиницу под крутой крышей с лихо отогнутыми уголками. Гребень крыши украшали искусно вырезанные из дерева фигурки скачущих и гарцующих лошадей. Территория производила впечатление ухоженной и исключительно чистой несмотря на то, что зима заканчивалась. В Кленфилде же на улицах из-под растаявшего снега повылезало полным-полно

мусора. Вдалеке серели стены нескольких зданий, предназначение которых оставалось для Рики неясным, и она спросила коррехидора.

— Конюшни и манеж, — последовал ответ, — кавалеристам без этого никак.

Спешивший им навстречу совсем молодой парень удивлённо поглядел на мундир коррехидора, его куртка была расстёгнута, резко остановился и отдал честь. Вилохэд кивнул и спросил, как ему найти Дэнзи Виларда и Сёе Кагивáру.

— Боюсь, господин..., — он замялся, а Вил подсказал «полковник», — господин полковник, я не смогу сказать вам точно, где именно в данный момент находятся названные вами офицеры. Простите. Они служат в разных подразделениях, и лично с ними я незнаком. Вам лучше будет справиться в штабе полка.

Последовал вежливый поклон и подробная инструкция, как проще добраться до штаба.

Полковника на месте не оказалось, молодцеватый адъютант сообщил, что его высокоблагородие час назад отбыли по срочному и очень важному делу.

Адъютант выглядел совсем молодо, казалось, что он вряд ли старше пятнадцати лет, отчего многозначительная гримаса на задорном мальчишеском лице, долженствовавшая продемонстрировать важность и секретность информации о местонахождении начальника, выглядела настолько комичной, что чародейка не сдержалась и фыркнула. Парень напустил на себя сверхсерьёзный вид, и солидным баском пообещал господину коррехидору выяснить, где в данный момент находятся Вилард и Кагията. При этом он неодобрительно зыркнул на чародейку, выпрямился во весь свой невысокий рост и гордо удалился.

Появился мальчишка подозрительно быстро, настолько, что складывалось впечатление, будто он просто прикрыл за собой дверь, постоял там пару секунд, а затем вернулся. С деловым видом покопавшись в бумагах, адъютант извлёк листочек, вырванный из блокнота, на котором значилось:

Дензи Вилард – госпитальный корпус, он получил травму на занятиях по выезде. Сёе Кагията – манеж, занятия с курсантами.

Вил подумал, что адъютант явно подготовил справку раньше, когда ему позвонил Турада. Но тогда он не знал ещё, что кавалерист Вилард угодил в госпиталь.

— С кого начнём? – спросила Рика, когда они вышли на улицу.

— Наверное, разумнее с Виларда, тем паче, что больничное крыло от нас в двух шагах.

Чародейка кивнула, вспомнив, как старательно адъютант чертил на листке схему.

Дорожка, окружённая с двух сторон подстриженными будто по линейке кустиками какого-то вечнозелёного растения, привела к больничному крылу. На скамейке под набивающим почки деревом гингко сидел мужчина в наглаженном медицинском халате и курил папиросу.

— Верховный коррехидор Кленфилда Вилохэд Окку, — представился Вил, показав служебный амулет.

— Военный врач Ока́да, — ответил мужчина, вставая, — надеюсь, не внезапное нездоровье привело вас ко мне.

— Нет-нет, не беспокойтесь, — заверил его коррехидор, — мы с госпожой Таками пришли к вам совершенно по иному вопросу. Нам надо поговорить с одним из ваших пациентов – с Дензи Вилардом. Он способен к контакту?

— Ещё как способен, — улыбнулся врач.

Окада оказался приятным мужчиной лет сорока с глубокими складками у рта. Эти складки не придавали ему мрачности, а скорее указывали на то, что их обладатель обожает улыбаться во весь рот.

— Никому ещё множественный перелом голени и ушиб рёбер не мешали разговаривать, — пожал врач плечам. — Иногда мне даже жаль, что подпоручик не прикусил себе свой длинный язык, когда свалился с коня.

— Странно, — заметила чародейка, — вроде не юнкера и не любители, чтобы с лошадей падать.

— Ой, мистрис, — доктор Окада мгновенно определил статус гостыи по характерной шляпе и вычурному наряду, — вы даже себе не представляете, насколько ребячливыми могут быть вполне себе взрослые парни! Упомянутый Вилард, возомнив себя особо хорошим наездником, решил покрасоваться перед товарищами. Продемонстрировать, так сказать, свои умения управляться даже с самыми норовистыми лошадьми. А в нашей конюшне имеется парочка-троечка соответствующих экземпляриков. Особо выделяется Колокольник. Под этим невинным прозвищем скрывается настоящий стервец на четырёх копытах, который за три года, что топчет бrenную землю, успел перекусать и посбрасывать человек десять. И все из этой десятки прошли через мои руки.

Рика подумала, что врач и сам страдает привычкой к многословию, хотя при этом укоряет своего пациента за болтливость.

— Так вот, — врач продолжал повествование, загораживая проход внутрь, — моего пациента банально подначили к рискованному поступку его brave сослуживцы. Заявили, что мало у кого достанет духу сесть на Колокольника после того, как последний смельчак два месяца ходил загипсованный с переломом ключицы. Вилард решил доказать, что ему под силу укротить бешеный нрав жеребца, что даже самый свирепый конь подчинится железной воле и железным икрам. Но в противостоянии конь – человек, победа осталась за Колокольником, а Вилард получил утешительный приз в виде множественного перелома большой и обычного перелома малой берцовых костей. Ушиб и трещины в рёбрах шли в виде бонуса. Теперь он отдыхает в одиночестве в тиши больничной палаты, где вы без помех сможете переговорить с ним.

Окада сделал широкий приглашающий жест.

Палата, в которой лежал лихой наездник, была стерильно-чистой и стерильно-скучной. Четыре кровати вдоль стен, белые тумбочки, несколько табуреток для посетителей, белые занавески на единственном окне и белые одеяла создавали ощущение зимней прохлады и безмолвного, больничного спокойствия.

На кровати, стоящей прямо у окна, полусидел молодой мужчина с подносом на специальной подставке и с завидным аппетитом поглощал липкую овсяную кашу.

— Простите, что не могу встать и поприветствовать господина коррехидора должным образом, — проговорил он чуть хрипловатым голосом, разведя руками, — я нынче обрёл обидный статус инвалида.

Вилард чуть двинул ногой, которая по высоте была значительно выше другой из-за слоя наложенного на голень гипса.

— Так что не обессудьте. Наш многоуважаемый доктор, которому я буду благодарен по гроб жизни за то, что он умудрился без потерь собрать пасьянс из обломков моих костей, назвал вас, и я сразу же догадался, по какому поводу четвёртый сын Дубового клана посетил сию юдоль скорби, — парень покачал головой и скроил грустную физиономию, — недавняя дуэль – несомненная и единственная причина интереса столь важной и облечённой властью особы к личности скромного армейского подпоручика.

Последовала обезоруживающая улыбка. Рика отметила про себя, что обаяшка-Вилард, без всяких сомнений, становился душой любой компании и явно нравился слабому полу. Невысокий, не лишённый изящества даже в лежачем положении, этот симпатяга с улыбкой во все тридцать два зуба и отливающими рыжиной вихрами умел подать себя.

— Присаживайтесь, где вам удобно, — продолжал он, — можете даже сесть мне на кровать, коли возникнет подобная блажь.

— Не возникнет, — мрачно констатировал коррехидор, пододвигая табурет.

Чародейка подумала, что Вилард с его свободной манерой общения балансирует на грани развязности, чем раздражает её начальника.

— Так вот, — кавалерист провёл пятернёй по растрёпанным со сна волосам, пытаясь придать им хотя бы какое-то подобие причёски, — в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров я отправился в восемнадцать лет с огромной радостью. Еле дождался этого счастливого часа. С детства мечтал быть военным, всё донимал отца, чтобы тот пристроил меня в кадетский корпус или благородный пансион с военным уклоном. Но, увы, определённая стеснённость в средствах не позволили моим горячо любимым родителям осуществить мечту младшего сына.

— Вилард, — проговорил коррехидор тихим спокойным тоном, который, как уже успела выяснить чародейка, являлся предвестником бури, — окажите мне любезность, оставьте детские и юношеские воспоминания для застольной беседы с себе подобными. Нас с мистрис Таками они не интересуют, как и мотивы иных ваших поступков, никоим образом не связанных с дуэлью Окири и Дайямы.

— Я же к этому как раз и веду! — Вилард нисколько не смутился, лишь широко раскрыл выразительные серые глаза с коричневыми крапинками по всей радужке, — ведь где, как не в нашей школе, молодое поколение обретает истинные представления о чести, достоинстве и узнаёт прочие основополагающие истины, составляющие базу, на которой зиждется не только честь древесно-рождённого, но и сама жизнь королевского офицера. Пускай многие ругают нашу тягу к молодечеству, полагая что именно оно придаёт самому слову «честь» такое огромное количество различных оттенков смысла, что по временам бывает невозможно уловить сам момент, когда дружеская шутка или острое словцо, вылетевшее не к месту, перерастёт в откровенную вражду!

— В данный момент вы просто философствуете или пытаетесь в иносказательной форме поведать нам о причинах дуэли ваших сослуживцев? — прищурился Вил.

— В моей сентенции возможно усмотреть как первое, так и второе, — ничуть не смутился мужчина на кровати.

Он поёрзал, приподнялся на сильных руках, выдохнул сквозь зубы из-за боли в треснувших рёбрах, и ему удалось принять более вертикальное положение.

— Оброненное по пьяному делу слово или намёк, тупая шуточка, на которые столь горазды мои сослуживцы, и готово дело. Двое лучших друзей, — Вилард закрыл лицо рукой с прекрасно обработанными ногтями, — уже перестают быть друзьями, а обретают статус кровных врагов, которых жажда крови и отмщения разводит по обе стороны барьера. Дело чести — это вам не ерунда, через такое не перешагнуть, не забыть, не отмахнуться, отделавшись дежурным извинением, словно нечаянно наступил на ногу. Нет, господа, здесь всё иначе. Кровь ударяет в голову, глаза загораются неукротимой ненавистью, и вызов летит в лицо не хуже брошенной латной перчатки! Что дальше? — он обвёл собеседников взглядом, в котором читался немой вопрос, — что делать остальным, когда у двоих выиграло то самое молодечество, о котором я уже упоминал? Примирить парочку идиотов, вздумавших изрубить друг друга на куски катанами или всадить пулю в неблагодарное, чёрное сердце бывшего приятеля, а ныне заклятого врага? Нет, господа, можете мне поверить, сие — пустая затея. Если уж люди решились дуэлировать, то так тому и быть. Никакая сила уговоров в подобной ситуации не поможет. Уж можете в этом вопросе положиться на мой жизненный опыт.

— Лично вы пытались уговорить Окири и Дайяму примириться? — спросила чародейка.

— Лично я, естественно, пытался. — Последовал ответ. — И не то, чтобы просто пытался, я взял на себя роль посла мира: поклонился, подключил всё своё красноречие и предложил принести взаимные извинения, а затем заказать бутылку рома, приготовить жжёнку, как делали наши отцы и деды, после чего напиться хорошенько и поехать в Квартал красных фонарей. Я слышал, там в одном заведении появилось несколько новых принцесс.

— Почему вы предложили напиться, хотя в паре фраз назад упоминали, что оба фигуранта уже были навеселе? – уточнил Вил, которому эмоциональная болтовня засидевшегося в одиночестве кавалериста начинала прилично досаждать.

Вилард, казалось бы, без всяких усилий захватил инициативу разговора и вместо кратких и ёмких ответов по существу дела принялся художественно рассказывать о событиях вчерашнего вечера, словно намеревался написать роман. От внимания Рики не ускользнули резкие складки, прорезавшие высокий лоб четвёртого сына Дубового клана, и она сказала:

— Сэр Вилохэд, разрешите сказать вам пару слов наедине.

— Извольте, — коррехидор поднялся с табурета.

Рика окружила их закланием тишины, чтобы до больного, уже наострившего уши с плохо скрываемым интересом, не дошёл ни один звук, и сказала, приглушив голос, хотя это было совершенно излишним:

— Не останавливайте словоизвержение Виларда.

— А мне так хочется заткнуть его, — в сердцах воскликнул коррехидор, — несёт какую-то раздражающую чушь, словно разговаривает не с представителем королевской власти, а сидит с папиросой и кружкой пива со своими друзьями!

— Прошу вас, потерпите и предоставьте ему полную свободу выговориться. В подобной ситуации люди нередко рассказывают куда больше, нежели запланировали. Вот наш недавний свидетель Манива говорил, как по писанному: ни шагу за пределы того, что счёл нужным нам сообщить. А от этого господина, глядишь, и узнаем что-то интересненькое.

— Что интересненького может быть в самой обыкновенной дуэли? — Вил качнул головой, но скривился от укола боли в левом виске.

— Не знаю, но ЧТО-ТО меня настораживает, — пожала плечами в ответ чародейка.

— Ну, что ж, послушаем этого болтуна, — согласился четвёртый сын Дубового клана.

Заклание тишины было снято, и коррехидор с чародейкой возвратились на свои места. На выразительном, подвижном лице Виларда читалось откровенное разочарование, поскольку ему не удалось расслышать ни единого звука из приватного разговора офицеров Королевской службы дневной безопасности и ночного покоя.

— Я могу продолжать? – спросил он, и не дожидаясь ответа Вила, заговорил, — мы остановились на том, что предложил выпить жжёнки, а вы, господин полковник, изволили мне возразить, что мои сослуживцы и так уже были навеселе. Верно?

Вил стиснул зубы и кивнул.

— Отвечаю с охотой и всей искренностью, — полусидевший в постели мужчина попытался изобразить светский поклон, но получилось у него не очень. – Во-первых, мы все были тогда не особо пьяны, ночь только начиналась, а, во-вторых, ничто так не сближает мужчин, как хорошо приготовленная жжёлка, выпитая совместно. Мне отец рассказывал, что основной причиной женитьбы моего дедушки на моей бабушке стало её умение виртуозно готовить этот благородный напиток. Она научила и меня, — последовал ещё один неуклюжий поклон, — так что, без ложной скромности я смею утверждать, что приготовленная мною жжёлка примирила немало горячих голов. В полку меня некоторые даже принялись именовать Расстраивателем дуэлей! Но это несомненное преувеличение. Так вот, — он поглядел сначала на коррехидора, затем на чародейку и продолжил, — никакие уговоры не помогли. Гвардеец ни в какую не желал забрать назад свой вызов. Когда в деле замешаны чувства, доводы рассудка бессильны.

— Пойдите, о каких чувствах идёт речь? – спросила Рика, которая старалась вычленив из рассказа Виларда полезную информацию и записать её.

— Естественно, о любви! – воскликнул больной, всплеснул руками, охнул от боли, сморщился и объяснил, — оба друга волочились за одной красоткой. Знаете, случается подобное, когда юная дама украла сразу два сердца и жонглировала ими, подобно цирковому акробату: то одного приблизит, подарив надежду, то другого. И длилась сия история около года, затем

родители девицы положили конец этому более чем странному тройному роману, заставив дочь сделать выбор и стать женой одного из кандидатов. Девица выбрала Дайяму. Знаете, я совершенно не удивлён. На её месте я поступил бы точно также. Желчный, мрачноватый Рябчик ни в какое сравнение не шёл с душкой-гвардейцем.

— И когда это было? — уточнила чародейка.

— Примерно год назад, — задумавшись на секунду, ответил Вилард, — или около того. Месяцев через пять и Окири женился. Болтали, брак его был по сговору. Родичи подсустились, подыскивали девицу, хоть и не особо авантажную по части внешности, но с отличнейшим приданым и связями. Ну, Рябчик и сам не красавец, так что жаловаться ему не на что.

Вилу утверждение, будто причиной дуэли стала любовная история более чем годичной давности, показалось маловероятным, и он сказал:

— Вам не кажется, что Окири слишком долго ждал, чтобы отомстить своему другу за уведённую девушку? Тем более, что выбор жениха был сделан ею самой?

— Сердечные раны бывают порой очень глубоки, — со знанием дела заявил кавалерист, — кто знает, зажило ли сердце нашего Рябчика? Да и вообще, удалось ли ему собрать осколки своего разбитого сердца?

— Хорошо, оставим в стороне причину их ссоры, — коррексидор потёр ноющий висок, — переходите к самой дуэли.

— Луна только начала подниматься по небосклону, — заговорил Вилард, поддав голосу зловещих интонаций, — она освещала зловещим красноватым светом поляну, на которой застыли двое бывших друзей, а ныне врагов, для которых вопросы чести стали важнее самой жизни! Где-то вдалеке тревожно заухала сова, и я посчитал сие дурным предзнаменованием. Дуэль проходила по всем канонам Эпохи эlegantности, все правила и требования были соблюдены. Катаны были воткнуты в землю, они озаменовали барьер — последнюю точку, откуда соперники могли произвести свой выстрел. Пистолеты заряжены, и один из секундантов дал команду: «Сходитесь!» Его голос прозвучал, подобно похоронному удару храмового колокола. Кому из этих молодых людей боги даруют возможность смыть пятно оскорбления со своей чести, а кого ждут слёзы юной вдовы, потерявшей возлюбленного супруга этой зловещей ночью алой луны! Тишина. Ночь. Мужчины делают шаг, другой, третий... Снова ухает сова, пролетев над головой Дайямы настолько низко, что волосы взметнулись от шороха её крыльев. Но оба противника так сосредоточены на происходящем, что даже не заметили птицу. Ещё один шаг, отблески луны на пистолетах, казалось, весь мир замер в ожидании трагической развязки. Тишину ночи разрывают два выстрела, прозвучавших практически одновременно. Дайяма хватается за грудь, — Вилард повторяет жест, сжимая у горла больничную пижаму, — и беззвучно падает наземь.

Он попытался показать, как именно упал застреленный гвардеец, но то, что сам больной практически сидел в кровати, помешало ему в полной мере поразить слушателей. Он лишь дёрнулся, при том весьма неуклюже, и замер, откинув голову назад.

— Кто установил факт смерти, — проигнорировав перформанс, спросила чародейка, — на дуэли присутствовал медик?

— Найти медика в половине второго ночи весьма затруднительно, — поднял голову с подушки Вилард, — посему решено было обойтись своими силами. Мы все проходили курсы первой экстренной помощи, так что перетянуть жгутом раненую конечность и наложить повязку любому под силу. Как, собственно, и определить жив человек или мёртв. В нашем случае было очевидно второе. Развороченная пулей от дуэльного пистолета грудь, отсутствие дыхания и сердцебиения красноречиво свидетельствовали, что бедолага благополучно отошёл в мир иной.

На этих словах голос Виларда дрогнул, а его голова бессильно опустилась.

— Вы отвезли погибшего домой? — спросил Вил, мысленно поблагодарив богов за то, что повествование больного кавалериста приближается к финалу.

— Да, да, — горячо воскликнул их собеседник, — на мою долю выпала тяжкая миссия нести того, кто ещё час назад был счастливым мужем, удачливым военным, получившим очередное повышение по службе, и замечательным другом, а теперь бессильно обвис, залитый алой кровью простреленного сердца, казавшейся той зловещей ночью практически чёрной. Я должен был внести его в дом ни о чём не подозревающей молодой женщины. Я стал своего рода горевестником, птицей, распростёршей свои чёрные крылья и над убиенным, и над его несчастной семьёй.

— Как восприняла весть госпожа Дайяма? — спросил Вил, едва сдерживаясь, чтобы не встать и не отвесить разошедшемуся кавалеристу хороший подзатыльник.

— Очень достойно. Она же — жена военного, значит часть представлений её супруга о воинской чести и нелёгкой доле, когда нет цели, а имеется лишь путь, перешли и к ней. Красавица в домашней юкате, нисколько не скрывающей прелести юного тела, стиснула руки и кивнула. Затем сдавленным голосом велела положить её мужа на татами в гостиной, указав, где именно восточное направление, дабы голова Дайямы была повернута именно туда. После чего мы осведомились, не нуждается ли бедная женщина в какой-либо ещё помощи с нашей стороны, услышали самые тёплые слова благодарности и поехали по домам.

— И это всё?

— Нет, — поразмыслив полсекунды ответил Вилард, — госпожа Дайяма подошла и плюнула прямо в лицо Рябчику. Проговорив при этом что-то вроде, мол, мразь он последняя, что она всегда догадывалась о камне за пазухой и о его гнилой натуре, потом добавила ещё что-то в том же духе и закончила, что на церемонии погребения она его видеть не желает.

— О, боги, — проговорил коррехидор, когда они попрощались с доктором Окадой и вышли на свежий воздух, показавшийся особенно вкусным после пропитавшего больничное крыло запаха антисептика, — спасибо вам за терпение. Я был готов своими руками придушить этого патологически лживого парня.

— Не думаю, что в случае Дензи Виларда правомерно говорить о психиатрическом диагнозе, — качнула головой чародейка, — просто он из тех людей, что всегда жаждут быть на переднем плане, в центре внимания, работают на публику, если так можно выразиться. А тут — пустая палата в больничном крыле, и ни одного пациента поблизости. Скука. Вот доктор Окада и отдувается, принимая на себя весь огонь острот и рассказов больного. В нашем лице он увидел благодарных слушателей, тем паче, что его буквально распирало от желания поведать кому-то подробности дуэли.

— С чего это вы столь горячо принялись защищать Виларда? — вскинул бровь коррехидор, — неужели его мужское обаяние чуточку растопило ваше ледяное сердечко?

— Ещё чего! — фыркнула чародейка, — забавно его было слушать, и не более. К тому же я узнала множество подробностей, о коих умолчал наш предыдущий свидетель, цедивший слова, словно произнесение каждого делало его беднее на пару йен! Возможно, даже скорее всего, Дензи Виларда не раз и не два заносило, а где-то он банально приукрасил историю, поддав драматизма. Одно удивляет, — девушка сверилась с записями в блокноте, — Манива утверждал, будто смертельный выстрел пришёлся в голову. Он тогда апеллировал к умению Рябчика отлично стрелять, а этот, — она кивнула в сторону оставшегося за спиной больничного крыла, — красочно описывает пулю в сердце.

— Либо ошибается, либо врёт, — пожал плечами Вил.

— С какой целью станет врать секундант, если дуэль состоялась по всем правилам? — удивилась чародейка, — оба свидетеля упирают на это, подчёркивая, что регламент был соблюден до последней запятой.

— Не так редко за внешней бравадой, к которой так склонен наш второй опрошенный секундант, прячется банальная бытовая трусость, — Вил бросил взгляд на собирающиеся в небе тучи, — боязнь мертвецов, к примеру. Представьте, Вилард жутко боится покойников. К убитому он не подходил, и уж, тем более, не прикасался, даже взглянул мельком. Не особенно хорошее освещение, кровь, алкогольные пары и глупые детские страхи сделали своё дело. Он увидел и развороченную грудную клетку, и всё остальное. К слову, пистолетная пуля подобного эффекта не даёт.

— Выходит, Вилард врал, чтобы получше выглядеть в наших глазах? В глазах людей, которых он видел в первый раз в жизни и, не исключено, более никогда не увидит? Безо всякой веской причины вводил в заблуждение офицеров королевского сыска при исполнении. Зачем?

— Он хотел выглядеть достойно в первую очередь в СВОИХ собственных глазах. А уж признаться в своей слабости и трусости посторонним (а я, как-никак, — младший сын Дубового клана) было выше его сил. Вот он и выдумал кровавую луну, пролетающую сову и развёзтую грудную клетку. Да, и ещё катаны приплёл. Так я и поверил, что офицеры вечером в клуб с катанами приходят! Банальные перчатки обозначили барьер, — усмехнулся коррехидор, — об этом мне сам Окири рассказал.

— И о конфликте друзей из-за женщины Вилард тоже приврал для красного словца?

— Нет, — качнул головой Вил, — не думаю. То, что он рассказал весьма походит на правду. С друзьями случаются иногда подобные казусы.

— Вы называете казусом любовное соперничество, которое неизменно приводит к сердечным ранам для одного из участников? — возмутилась Рика.

— Я называю казусом глупость, недалёковидность, самомнение и упрямство, а также нежелание уйти в сторону, когда очевидно, что в этой любовной истории ты — третий лишний.

— Вы уходили?

— Да, мне всегда претило становиться участником дешёвой мелодрамы. Если уйти со сцены в нужное время, сумеешь сохранить и лицо, и сердце. Но, что касается Окири и Дайямы, уверен, их похождения на любовном фронте обсуждались в полку со всеми подробностями, обрастая слухами и откровенными домыслами. Но общий ход истории ясен. Одна девица и два кавалера. Девица поколебалась-поколебалась, да и выбрала наиболее приятного, или богатого, перспективного, а, возможно, и всё вместе. Окири не упоминал в разговоре со мной об этом аспекте, скорее всего, из-за того, что не хотел вспоминать и рассказывать, как его отвергли.

— Теперь пойдём ко второму секунданту со стороны Окири, — сказала Рика, ответив вызывающе-неприятным взглядом нахально разглядывающему её офицеру, — он у нас на занятиях в манеже. Забавно, — она поглядела на серую громаду здания впереди, — для меня всегда слово «манеж» означало приспособление, чтобы младенец не ползал по всему дому.

— Полагаю, для здешней публики ваше значение этого слова также будет незнакомым и смешным, — подмигнул ей коррехидор.

Он остановил пробежавшего мимо корнета и спросил, где им найти господина Сёе Кагивару. Тот ответил, что офицер занимается с курсантами выездкой, и указал, куда идти.

Кагията оказался довольно крепким и широкоплечим парнем с коротко остриженными волосами. Его можно было бы назвать интересным, если бы не торчащие уши, посаженные буквально перпендикулярно голове, и дурацкая щётка усов с длинными загнутыми кверху концами. Что совершенно не вязалось с короткой верхней губой, почти всегда обнажающей передние резцы. Одним словом, Сёе Кагията походил на очень серьёзного и франтоватого зайца.

Он почтительно поклонился Вилу, заверив, что он безмерно счастлив встретить в столь банальном месте младшего сына главы своего клана, солидно осведомился о здоровье сэра Гевина и леди Мирай, выразил надежду, что все члены семейства Окку пребывают в добром здравии и благополучии. После этого велел курсантам отдыхать полчаса и повёл гостей в кабинет. В кабинете стоял довольно обшарпанный письменный стол с креслом, два видавших

лучшие времена стула и масса каких-то коробок, папок, и просто бумаг, выплёскивающихся наружу, потому как уже не помещались в отведённое для них место.

Восточную стену украшали дипломы, вымпелы и кубки. Всё это добро располагалось вперемешку с магографическими изображениями лошадей и наездников в форме кавалерийского полка. Некоторые снимки производили весьма старое впечатление.

— Не стану делать вид, будто удивлён визитом в наш полк верховного коррехидора Кленфилда, — проговорил Кагията. Он уступил кресло за столом Вилохэду, а сам скромно уселся на одном из стульев с потёртой шёлковой обивкой. — Я прекрасно отдавал себе отчёт, что дуэль, произошедшая нынешней ночью между подпоручиком Окири и гвардейцем Дайямой, не может обойтись без соответствующего расследования. Посему готов ответить на любые вопросы вашего сиятельства.

— Похвально видеть подобную преданность Дубовому клану, — вежливо ответил Вил, — вы сэкономите наше время, силы и поможете в кратчайшие сроки завершить разбирательство.

Он по всем правилам представил Рiku и приступил к опросу свидетеля.

— В секунданты вас позвал Окири или же вы сами вызвались?

— Майро Окири попросил меня о содействии, — чуть склонил голову Кагията, — и, как офицер, я просто не смог ему отказать, ибо на кон был поставлен вопрос чести. Вы же знаете, насколько наше поколение щепетильно, когда дело касается чести, — продолжал он, — добро бы речь шла о шальном молодечестве, которое само по себе свело в могилу немало горячих голов, но вчера в клубе дружеское подтрунивание из беззлобных шуток, на которые так горазды молодые офицеры, перешло в откровенную вражду и оскорбления, смыть кои для дворянина возможно только кровью обидчика.

— Вы не могли бы назвать нам эти самые оскорбительные замечания? — спросила чародейка.

Она уже вооружилась блокнотом и карандашом.

— Увы, мистрис Таками, — я не могу точно перечислить замечания и шуточки, что прозвучали вчера за карточным столом в «Золотом эполете». Я, знаете ли, глубоко равнодушен к азартным играм, в которых нет места таким качествам личности, как ум, отличная память, логическое мышление и умение прогнозировать. Поэтому вчера, как и во все остальные вечера, я играл в го. А столики для этой моей любимой игры поставлены в другом помещении, дабы шум и пьяные выходы любителей картёжных баталий не мешали нам размышлять.

Он смолк, потом продолжил:

— Так что свидетелем стычки между друзьями я не был, и в чём заключались их разногласия, не знаю. Вроде бы Дайяма прилюдно бросил перчатку в лицо моему сослуживцу.

— Хорошо, — проговорил Вилохэд, — в котором часу это произошло.

— Затрудняюсь точно указать час, — нахмурил лоб Кагията, — но за полночь, это без сомнений.

— Что было дальше?

— Окири, Дайяма, я и остальные секунданты сели в магомобиль Окири и отправились к Комендантской дамбе. Место безлюдное и известное. Немало бутылочек сакэ было распито там в нашу бытность юнкерами и курсантами. Возле Комендантской дамбы дуэлянты разошлись на положенное расстояние, Манива дал сигнал, они сделали по несколько шагов, Окири выстрелил и убил своего противника. Всё.

Кагията опустил глаза, разглядывал руки.

— Куда именно попала пуля? — спросила чародейка, она никак не могла отделаться от «багровой луны», «зловещей совы» и грома пистолетов и простреленного сердца. — Они оба успели выстрелить?

Мужчина кусал губы. Потом поднял страдальческие глаза на коррехидора.

— Граф, — произнёс он сдавленным голосом, — хотя я дал слово своему боевому товарищу, но долг перед Дубовым кланом не позволяет мне пятнать честь офицера ложью. Посему я должен сделать признание.

Он встал, одёрнул мундир и отвесил покаянный поклон.

— Я солгал вам. Солгал представителю королевской власти и четвёртому сыну нашего клана, — проговорил он твёрдо, — и готов принять любое наказание, ибо я заслужил его, купившись на ложное чувство единения и полкового братства. Я не был минувшей ночью на Комендантской дамбе и не являлся секундантом на дуэли господ Окири и Дайямы.

— Как так? — удивлённо спросил Вил.

— Окири разбудил меня перед рассветом, рассказав об уже состоявшейся дуэли. Он сетовал на то, что один из секундантов так сильно был пьян, что заснул по дороге к месту дуэли. Они попытались привести его в чувство, даже полили водой из реки, но всё было тщетно. Технически он на дуэли присутствовал, но в невменяемом состоянии. Из-за этой детали Окири опасался возможных неприятностей и попросил меня подтвердить его рассказ и рассказ остальных трёх секундантов. Я был спросонья, и не усмотрел тогда в просьбе товарища ничего предосудительного, поэтому дал ему слово, что возьму на себя роль четвёртого секунданта. Но, когда ко мне приехал не какой-то неизвестный мне офицер Королевской службы дневной безопасности и ночного покоя, а четвёртый сын Дубового клана лично, — он смолк, словно проглатывая комок в горле, — я просто не смог врать. Я ощутил себя в буквальном смысле предателем своего клана, заслуживающим самой суровой кары.

— Полно вам так казнить себя, — сказал коррехидор, — вы признались и принесли официальные извинения. Этого достаточно.

— Мой проступок будет разбираться на совете клана? — спросил Кагията, не поднимая глаз.

— Нет. Не усматриваю подобной необходимости.

Кавалерист облегчённо вздохнул и расцепил пальцы.

— Окири назвал имя того офицера, что допился до бесчувствия?

— Нет, — даже с некоторым удивлением проговорил Кагията, — странно, но нет. Он таким образом рассказал о случившемся, что у меня даже вопроса не возникло, кто именно валялся мертвецки пьяным на заднем сидении его магомобиля. Из остальных он назвал Маниву, Изуми и Виларда. Это точно. Но вот кто был четвёртым, не сказал. Я шапочно знаком с Вилардом, а Маниву и Изуми не знаю даже в лицо. Но Окири заверил меня, что сие — ерунда, что Королевская служба дневной безопасности и ночного покоя не станет вдаваться в подобные тонкости. Достаточно будет в общих чертах рассказать, что и как было.

— Что вам ещё сказал и о чём просил Окири, — чародейка поставила жирный знак вопроса рядом с цифрой четыре.

— Он кратко, но чётко прошёлся по всем этапам дуэли, упирая на полное соответствие происходящего дуэльному кодексу Эпохи эlegantности, — медленно принялся перечислять их собеседник, стараясь припомнить всё как можно лучше, — стрелялись они на двадцати шагах, после первого выстрела двигаться запрещалось, выстрелить могли в любой момент. Барьер обозначили белыми перчатками. Манива дал сигнал, первым выстрелил Окири. Его рука дрогнула, потому как его соперник осыпал его оскорблениями и делал откровенно провоцирующие заявления, и пуля из пистолета отменного стрелка угодила прямо в лоб сопернику. Дайяма скончался на месте. Вот и всё.

Вил задумался. То, что говорил сейчас преданный член Дубового клана в лице офицера Кагивары, буквально слово в слово совпадало с рассказом самого Окири. Это означало, что Кагията не врёт. «Два чистосердечных признания за один день — такое не часто встречается», — усмехнувшись, подумал коррехидор.

— Что вы должны были ответить нам на вопрос о дальнейших событиях? – голос чародейки вернул Вила к действительности.

Кагията пожал плечами.

— Ничего особенного. Тело убитого гвардейца доставили к нему домой и выразили соболезнования вдове. После этого все разошлись восвояси. Это всё.

Глава 3 Последний секундант

Когда коррехидор и чародейка покидали Императорские дачи, на небе вдруг проглянуло солнышко, оно словно насмеялось над тёмной грядой туч на востоке. Вил припарковал свой магомобиль на стоянке возле доходного дома, где снимал квартиру Тассэ Изуми, под ворчание дворника с пышными усами.

Изуми оказался дома. Было похоже, что офицер недавно вернулся, его зелёный мундир свешивался со спинки кресла, а сапоги валялись у входа. При виде Рики он быстро надел мундир и предложил неожиданным визитёрам располагаться по своему усмотрению. При этом он постарался незаметно убрать с дивана шёлковую женскую юкату, засунув сей не совсем уместный предмет одежды под диванную подушку.

Вил ещё в прихожей показал свой служебный амулет и по всем правилам артанского этикета представил чародейку, поэтому теперь безо всяких предисловий перешёл прямо к делу.

— Вы, без сомнений, догадываетесь, по какому поводу вас посетили офицеры Королевской службы дневной безопасности и ночного покоя, — проговорил он, небрежно бросая верхнюю куртку рядом с собой на диван, — поэтому ради экономии нашего общего времени расскажите нам о недавней дуэли между офицерами вашего полка. Мы знаем, что вы были одним из секундантов. Из-за чего случилась ссора в клубе «Золотой эполет»?

— Всему виной дурацкое «молодечество», которое почитается нашим поколением за особое проявление понятия чести, — пафосно проговорил молодой офицер, откинув назад прядь модной в этом сезоне стрижки с долгой чёлкой. — Всё это было бы не страшно, если бы самому слову «честь» мы не придавали так много оттенков смысла, что никогда не знаешь, в какой момент переступаешь невидимую черту, которая отделяет открытую вражду, готовую обернуться смертоубийством, от дружеского подтрунивания и столь любимых всеми нами шуточек времён юнкерской школы.

Мужчина покачал головой. Подтянутый, крепкий, с широким разворотом плеч, гвардеец дворянского охранения показался чародейке вполне симпатичным. Он явно был из породы основательных и неторопливых людей, которые всякое слово произносят веско и обдуманно. Рика подумала, что, скорее всего, из-за этого он выглядит старше, чем на самом деле.

— Причина дуэли господ Окири и Дайямы кроется в неосторожно оброненном слове или в избыточной фиксации на чести? — спросил коррехидор. — Или же вы просто таким образом пытаетесь увильнуть от ответа?

— Никак нет, господин полковник, — чуть склонил голову Изуми, — просто к слову пришлось. Дуэль Окири и Дайямы произошла из-за ссоры в офицерском клубе.

— Сей факт уже известен Королевской службе дневной безопасности и ночного покоя. Поведайте свою точку зрения на суть этой ссоры.

Офицер задумался, слегка наморщив лоб, затем неуверенно проговорил:

— Кажется, случились разногласия за карточным столом.

Снова повисла пауза.

— Я не могу точно назвать причину этих разногласий, но думаю, дело было в мошенничестве. Господин Окири — умнейший и очень наблюдательный человек. Однако, многие, кого он обыграл, говорят, будто бы Майро — большой мастер по части картёжных уворотов и порой не чужд откровенного шулерства. Подобные оскорбительные инсинуации — чистейшая ложь, но, наверное, поручик Дайяма поверил в измышления, и, когда проиграл, приписал свою неудачу нечестной игре друга, а тот не смог вынести оскорбительных обвинений, и всё завертелось.

— Вы слышали сами обвинения? — практически перебила свидетеля чародейка, которой её профессиональная память подсказывала, что никто из опрошенных ими свидетелей подобной причины ссоры не называл.

— Я? – переспросил Изуми, хотя и так было понятно, что вопрос обращён именно к нему.

— Да, вы, — не удержалась от ядовитого ответа Рика.

Ей Изуми уже не казался таким уж симпатичным. Молодой офицер словно взялся издеваться над ними: сначала завёл столь любимую в их офицерском кругу шарманку про молодечество, потом ни с того, ни с сего взялся переспрашивать, будто страдал тугоухостью.

— Э..., — протянул офицер, снова откидывая чёлку, — точно сказать не могу. Меня в «Эполете» вчерашним вечером вообще не было.

— Да? – спросил Вил тоном, который не обещал ничего хорошего за любую попытку солгать.

— Вчерашний вечер и часть ночи я провёл в объятиях одной достойной восхищения особы, — коррехидор хмыкнул, вспомнив о припрятанной за диванной подушкой юкате, — и уже далеко за полночь отправился эту самую особу провожать домой. Называть имя этой дамы я не могу и не стану, разве что это потребует от меня Королевский суд. Но я – просто свидетель, и ничего похожего суд от меня потребовать не может.

Он многозначительно поглядел на коррехидора, а затем продолжил:

— До дома я решил пройти пешком, тогда-то меня и заприметил подпоручик Окири, проезжавший мимо со всей честной компанией дуэлистов. Оказалось, что в «Золотом эполете» большинство посетителей уже успели здорово напиться к этому часу, и найти четвёртого, более или менее трезвого секунданта у них никак не получалось. А тут удачно подвернулся я!

— Где это происходило? – подняла голову от блокнота чародейка.

— Где происходило? – по своему обыкновению переспросил Изуми, — на углу проспекта Самураев и моей улицы.

— Угол Самураев и улицы Девичьих вздохов? – прищурилась чародейка, — не простой маршрут выбрал господин Окири, чтобы добраться до Комендантской дамбы.

— Комендантская дамба! – воскликнул Изуми, — конечно! Место дуэли парни подобрали со вкусом, отличное. Видимо, — он снова слегка наморщил лоб в мыслительном усилии, — они поехали туда столь непрямым маршрутом, потому как возникла потребность заехать к кому-то на квартиру за пистолетами. Согласитесь, господа, — в голосе четвёртого секунданта слышались откровенные нотки человека, увидевшего в ситуации то, на что остальные не обратили никакого внимания, — наши офицеры редко берут с собой на дружеские посиделки в элитарном клубе парочку дуэльных пистолетов. Уверен, на углу моей улицы они очутились именно из-за пистолетов.

— Допустим, — кивнул коррехидор, — что было дальше.

— Мы поехали на Комендантскую дамбу, — продолжил свой рассказ офицер, — быстро организовали барьер. Затем кто-то из секундантов предложил последнее примирение, но оба противника отказались. Они разошлись по местам, был дан сигнал, и они пошли к барьеру. Окири выстрелил и сразил противника.

— Пуля попала Дайяме в грудь или в голову? – поинтересовалась чародейка, у которой никак из головы не шло красочное описание Виларда с совой, кровавой луной и разверзтой грудью поверженного гвардейца.

— Кажется, в голову.

— Вы не уверены? – иронично спросил Вил, подумав, что свою «относительную трезвость» Тассэ Изуми явно приукрасил.

— Точно, в голову. – Последовал ответ.

— Где во время дуэли стояли секунданты?

— Прибыв на место поединка, все секунданты, как это заведено по «Правилам о разбирательстве ссор, происходящих в офицерской среде», все секунданты поклонились друг другу и поклонились секундантам противника, — серьёзно заявил Изуми, — почва на Комендантской дамбе была ровной и вполне пригодной для дуэли на пистолетах. Никто из участников не

получал преимущества возвышения. Места соперников мы определили по жребию. Поскольку среди нас не было специального человека, который заряжает пистолеты, то зарядили их секунданты вызванной стороны. По команде распорядителя противники разошлись, держа пистолеты дулом вниз.

— Кто был назначен распорядителем, — коротко, по-деловому, осведомилась чародейка.

Этот, казалось бы, невинный вопрос почему-то сбил свидетеля с толку. Говоривший как по писанному офицер принялся мямлить, путано что-то объяснять, апеллируя к теоретическим принципам выбора и назначения распорядителя. Почему-то помянул недобрым словом взошедшую луну, словно её свет мог помешать подобно лучам солнца, бьющим прямо в глаза.

— Стреляли с приближением и остановкой, — ушёл от ответа про выбор распорядителя Изуми, — дали команду, противники пошли навстречу друг другу, Окири небрежно вскинул руку с пистолетом и выстрелил. Дайяма рухнул, словно подкошенный.

— Вспомните, продолжал ли Дайяма оскорблять своего противника после команды? — уточнил Вил.

— Естественно, нет! — горячо воскликнул Изуми, — «Правилами о разбирательстве ссор» подобное категорически запрещается. С момента команды: «Сходитесь!» ни участниками дуэли, ни секундантами не может быть произнесено ни единого звука.

Вил задумался. Окири утверждал совершенно противоположное.

— С какой стороны стояли вы? — спросил он.

— Я? — снова переспросил свидетель. — Справа.

— Справа от кого?

— От Дайямы. Я ведь был его секундантом.

— На расстоянии пяти конов от второго неработающего фонаря? — невинно уточнила чародейка.

— Да, — без особой уверенности проговорил парень.

— Перед воротами тории и лестницей в Дождевой храм или уже после них?

Изуми задумался.

— Вы не знаете, — констатировала Рика, — вы не были на Комендантской дамбе нынешней ночью.

— Был, — заявил Изуми, — естественно, я там был. Где ж мне ещё было быть? Просто вы меня сбили с толку своими расспросами про какие-то не горящие фонари, ворота и лестницы. Право, я был немного пьян, взволнован всем происходящим настолько, что, извините уж, не запомнил стоял я ДО или ПОСЛЕ неисправного уличного светильника. У меня были дела поважнее, нежели подмечать такие неинтересные подробности.

— Да, — кивнул коррехидор, поднимаясь и делая несколько шагов в сторону письменного стола, где в окружении полупустых бутылок из-под шампанского, бокалов и остатков заказанной в ресторане еды лежала обложкой вверх раскрытая книга. — Вы занимали свой ум изучением материала.

Он поднял книгу и продемонстрировал старое издание «Правил о разбирательстве ссор, происходящих в офицерской среде». — Полагаю, когда мы не застали вас дома нынешним утром, вы наведались в библиотеку и взяли это руководство. Вы хорошо успели изучить его и не один раз прибегали к цитированию этого полезного труда.

— Нет ничего зазорного в том, что подобная литература имеется в распоряжении у человека чести, — насупился Изуми, — в офицерской среде случаются ссоры, некоторые из которых возможно разрешить лишь через дуэль.

Рика поглядела на упирающегося офицера, подпустила в голос зловещего холодка и произнесла:

— Сейчас мы все вместе сядем в магомобиль его сиятельства и отправимся на Комендантскую дамбу. Там я проведу ритуал, который покажет, где именно вы стояли во время дуэли.

Но вот если отпечатка присутствия на вас не окажется, — она покачала головой, — то я вам просто не завидую.

— В этом случае, — подхватил Вил, — вы сразу попадаете под уголовную статью о даче ложных показаний с целью введения следствия в заблуждение. Вас ждёт наш печально известный «зоопарк» и суд.

— Зоопарком у нас в коррихидории прозвали полуподвальный этаж с камерами предварительного заключения, — любезно пояснила чародейка, — они там просто зарешечены и весьма напоминают клетки для животных в зоологическом саду.

— Вы ведь не имеете титула? — Это снова спросил коррихидор, получил удивлённо-утвердительный кивок и продолжал, — тогда вас ждёт самый обычный артанский суд и лет пять-семь каторжных работ. Не знаю, стоит ли подобной цены ваша упорная попытка выгородить товарищей?

Видимо попытка того не стоила.

— Каюсь, — опустил голову парень, — солгал. Но не корысти ради, а потому, как на кону стояла офицерская честь. И не просто КАКОГО-ТО офицера, а человека, которым я искренне восхищаюсь. Да, я не был ни в «Золотом эполете», ни на Комендантской дамбе. Меня разыскал Окири и попросил, в случае, коли спросят, подтвердить, что дуэль с Дайямой проходила по всем правилам. Вот и пришлось вооружиться этими самыми правилами, чтобы не опозориться неведением.

— Как Окири объяснил необходимость сделать это?

Изуми пожал плечами.

— Случилась самая банальная вещь на свете: один из секундантов перепил и был совершенно не мог исполнять свои обязанности. Технически, на месте поединка присутствовали четверо, только один из четвёрки не рассчитал свои силы и заснул прямо в магомобиле под прапорщика безо всякой возможности быть разбуженным и приведённым в чувство. Меня попросили выручить боевых товарищей, и всё.

— Окири назвал имена остальных секундантов? — проговорила Рика. Её насторожила повторяющаяся ситуация и повторяющаяся история с четвёртым пьяным.

— Назвал, — кивнул Изуми, — но я запомнил только Маниву. Он служит в нашем полку. Кто был со стороны кавалеристов, не запомнил вообще. У меня отвратительная память на имена и фамилии.

— Насколько хорошо вы знаете Цуки Маниву и Майро Окири?

— Маниву не знаю вообще. То есть, в лицо, естественно, знаю, — поправился свидетель, — я этого павлина ещё с училища запомнил. Правда, за всё это время мы и двумя словами не перекинулись. Подобные Маниве личности абы с кем разговаривать не станут: голубая кровь не позволяет собственное достоинство уронить, а древесно-рождённая спесь из одного места так и прёт. Для Манивы я — не ровня, простой худородный дворянчик. Как был во времена учёбы ящерицей, пресмыкающимся, так до сей поры таким и остался. И так будет до самой моей смерти.

— Понятно, — проговорил Вил, которому рассуждения про древесно-рождённую спесь очень не понравились, — а что с Окири?

— Майро — совершенно иное дело, — улыбнулся гвардеец. — Хотя мы с ним служим в разных подразделениях, и между «алыми» и «зелёными» издревле существует соперничество, которое по временам выплёскивается в откровенные стычки. Но Майро особенный, у него множество почитателей.

Рика недоверчиво поглядела в лицо офицера. Никто из остальных секундантов не отзывался о подпоручике Окири как о человеке, снискавшем всеобщую любовь. Скорее уж она поверила бы, что в роли подобного любимца публики выступает Вилард. Чародейка не видела

Окири, но со слов Вила и остальных секундентов он представлялся ей не особо симпатичным человеком, желчным и острым на язык.

— Волею судьбы я оказался в числе посвящённых в удивительную тайну, — глаза молодого человека буквально сияли от восторга, — мой однополчанин и старший товарищ по юнкерской школе является, — он смолк и многозначительно поглядел сначала на чародейку, а потом и на четвёртого сына Дубового клана, — известным столичным писателем.

Вил недоверчиво усмехнулся.

— Наверняка вы его отлично знаете, просто не можете не знать! – горячо продолжал Тассэ Изуми, — все любят потрясающие рассказы о похождениях остроумного частного детектива и покорителя женских сердец Акиро. А автором всех этих головокружительных приключений и головоломных расследований является не кто иной, как наш Майро Окири, естественно, не под своим настоящим именем. Он гениально соединил иероглифы имени и фамилии, получив псевдоним Окимай, Мастер Окимай. Скажу больше, — парень улыбнулся снисходительно-тонкой улыбкой человека, который уверен в том, что осведомлён гораздо больше своих собеседников, — Майро ещё и иллюстрирует свои рассказы сам.

Рике имя Мастера Окимай показалось знакомым, а затем вспомнились лёгкие, словно начертанные нетерпеливой кистью выразительные дамские профили и мужские фигуры в эффектных позах. Всё это она видела в журнале «Посиделки под сакурой». Его неизменно покупала Эни. В этом журнале молодые литераторы пробовали свои силы в самых различных жанрах: от выжимающих слезу любовных историй и приключений молодого фермера до мистических ужасов, захватывающих приключений и детективов с лихо закрученным сюжетом. Подруга не раз подсовывала чародейке очередной номер «Посиделок». Но после прочтения очередного «шедевра», где убийца, оставлявший всюду следы фальшивых клыков, появился на предпоследней странице словно по волшебству, Рика отказывалась даже в руки брать журнал. А пару раз высмеяла вычурные имена, которые выбрали себе авторы. Особенно досталось *Дочери страсти* и *Маленькому вулкану*. Эни Вада отдавала предпочтение любовным романам, поэтому творения Мастера Окимая остались за бортом, и чародейка не знала, так ли они хороши, как говорит неудавшийся секундент.

— Вы так усиленно нахваливаете господина Окири, однако ж, нам доводилось слышать о нём и совершенно противоположное мнение.

— Да, в нашей среде найдётся немало личностей, которые недолюбливают Майро, — согласился Изуми, — оно и понятно. Майро не станет миндальничать и разводить политесы, он прямо в лицо скажет дураку, что он – дурак, сволочи, что сволочь, а подлецу, что тот – подлец. Он выступает в роли своеобразного зеркала, в котором окружающие видят собственные недостатки. Талантливому писателю сие позволительно.

— При этом вы не сказали, что господин Окири говорит людям об их достоинствах, — усмехнулась Рика, — должно быть потому, что он так не делает. А писатель, тем более талантливый, просто обязан не только подмечать недостатки окружающих, но и видеть их достоинства. Иначе ваше хвалёное зеркало получается каким-то кривым.

— В нашем обществе, склонном к лести и похвалам по каждому, порой самому незначительному поводу, нет нехватки в тех, кто тебя похвалит, для этого нет надобности обращаться к писателю, — возразил собеседник. — Тем ценнее воспринимается человек, способный в лицо сказать правду.

— На мой взгляд, имеется существенная разница в том, говорит человек правду или же просто издевается, выставляя недостатки ближнего своего на всеобщее обозрение, — возразил коррехидор. — Особенно, когда столь вами почитаемая правда не служит для искоренения пороков и исправления ошибок, а используется для унижений и издевательств. К тому же писательский талант не освобождает человека (хоть военного, хоть штатского) от правил эти-

кета, принятых в обществе. Боюсь, ваш «всеобщий любимец», талантливый писатель Окири говорит правду в лицо не из благих побуждений.

— Вы ставите в вину Окири то, что он недостаточно деликатен? И что с того? Мы — офицеры Кленовой короны, а не кисейные воспитанницы Кленового института, падающие в обморок, услышав крепкое словцо. На войне, господин полковник, нет места экивокам и избыточной вежливости. Она может стоить жизни тебе самому и твоим солдатам.

Само звание четвёртого сына Дубового клана было произнесено так, что ощущалась некая ирония. Изуми явно считал, что древесно-рождённому коррехидору не пришлось ударить палец о палец, чтобы заслужить его.

— Так что я готов перед кем угодно отстаивать честь и достоинство этого умнейшего и талантливейшего человека, — продолжал офицер, хлопнув себя по колену, — особенно, когда некоторые с удовольствием чернят Окири в глазах Королевской службы дневной безопасности и ночного покоя.

Вил спросил об отношениях, которые связывали дуэлянтов, и услышал практически то, что уже знал. Из-за головной боли он никак не мог вспомнить, от кого именно он это слышал: сам ли Окири рассказал, или же поведали остальные секунданты. Выходило, что дружили парни ещё с молодых ногтей, потом обоих отдали в Школу кавалерийских подпрапорщиков и гвардейских юнкеров, а дальше — назначение в полк «Созвездие самоцветов». В своём рассказе Изуми делал упор на сложный характер именно Дайяма, называя его надменным, самолюблённым и хвастливым.

— Он просто не смог пережить того, что Окири, который всегда и во всём должен был стоять на ступеньку ниже этого надутого индюка в гвардейском мундире, стал известным писателем, — горячо проговорил Изуми, — Дайяме было чертовски обидно признать, что боги, обделив его друга внешностью и статью, не поскупились на ум, талант и личное обаяние. Зависть, господа, самая обыкновенная, чернейшая зависть не давала Дайяме спокойно спать.

После этого он добавил, что Дайяма и раньше-то был не прочь подшутить над другом, он просто обожал дурацкие розыгрыши и откровенные провокации. Но вот после триумфального успеха детективов Мастера Окимая просто потерял голову: шутки стали злее, а насмешки буквально сочились ядом. Выходило, что дуэль была неизбежна. Когда и при каких обстоятельствах она бы произошла, определялось лишь терпением подпоручика Окири.

— Известно ли вам что-нибудь о любовном треугольнике этих господ и госпожи Дайяма? — перевела разговор на другую тему Рика.

— Треугольник? — засмеялся Изуми, — кто вам наплёл подобную чушь? Думаете, первая красавица из не самой младшей ветви Тисового клана могла серьёзно увлечься пустышкой? Ведь у Дайямы кроме симпатичного лица, обходительных манер, да пары-тройки заготовленных остроумных реплик ничего за душой и нет. Пускай Майро не назовёшь красавцем, но его чувства истинны, а мнения не почерпнуты со страниц «Вечернего Кленфилда» и дурацкого журнала о нечистой силе и магических ускользанцах. Вполне естественно, что Морио Яхаба сразу и безоговорочно отдала предпочтение маленькому кавалеристу с большим сердцем. А уж когда она узнала, КТО скрывается под скромным прозвищем Мастер Окимай, у поручика в зелёном мундире не осталось ни единого шанса.

— Однако ж, названная вами девица пошла под венец именно с ним. — Возразил Вилохэд.

— Ничего удивительного, — развёл руками их собеседник. — Выбор за неё сделали родители: властный отец и помешанная на общественном мнении мать просто не могли допустить, чтобы в их семью вошёл обыкновенный провинциальный дворянин, да ещё и не отличающийся ни внешностью, ни статью, ни связями. В их глазах литературный талант Майро и его популярность в читательских кругах сыграли скорее против него. Я сам пробую писать, — скромно заметил Изуми, — и по реакции МОИХ родителей на мои литературные эксперименты, рискну предположить, что и Яхаба приравнивали творчество претендента на руку их

дочери к шутовству и неподобающему занятию для серьёзного, достойного мужа. Так Морико Яхаба стала Морико Дайямой, а талантливый писатель, бесстрашный воитель и просто отличный человек остался с разбитым на куски сердцем.

Коррехидор и чародейка задали ещё несколько вопросов, но не услышали более ничего интересного. Попрощавшись с Тассэ Изуми, они отправились в коррехидорию. В приёмной их встретил обеспокоенный Турада.

— Из Кленового дворца звонили уже два раза, — сообщил он, забирая куртку начальника, — и второй раз САМ, — он широко открыл глаза и сделал ими выразительное движение вверх.

Тем самым адъютант давал понять, что удостоился чести говорить с монархом лично.

— Я, естественно, по всем правилам доложил его величеству, что вы проводите разбирательство по поводу офицерской дуэли в полку «Созвездие самоцветов», — продолжал адъютант.

— Его величество ваш ответ, естественно, не устроил, — заметил коррехидор, — после чего на вас обрушилась хорошая порция кленового гнева, сопровождавшаяся сетованиями о плохой работе всего нашего ведомства в целом и лично вашей в частности.

— Именно так, — склонил голову в согласном кивке Турада.

— Что потребовал король после того, как завершил выволочку?

— Он спросил, додумались ли вы посетить вдову убитого гвардейца дворянского охранения с целью выражения соболезнований по поводу трагических событий. Я ответил, что визит к госпоже Дайяме входит в перечень важных дел на сегодня.

— И что по мнению короля я должен буду сказать бедной женщине от лица Кленовой короны и себя лично?

— Я записал основные тезисы, — адъютант вооружился блокнотом и принялся читать.

С его слов выходило, что монарх поручает четвёртому сыну Дубового клана и своему кузену выразить официальные соболезнования госпоже Дайяме от лица Кленовой короны и Дубового клана, а также узнать, в какой помощи нуждается семейство павшего на дуэли офицера и заверить, что виновный не останется безнаказанным и понесёт суровое наказание.

Вил кивнул, велел подать чай и прошёл в кабинет, предупредив, что его ни для кого нет. Турада бросил острый взгляд на чародейку, сжимавшую в руках свою чёрную, шёлковую шляпу, кивнул и затворил за ними дверь с таким многозначительным видом, будто закрывал дверь в спальню новобрачных. Рика еле удержалась, чтобы не показать ему язык, обругав про себя самыми последними словами. Вил ничего не заметил, уселся за стол и попросил передать ему блокнот с записанными показаниями реальных и мнимых секундентов. Но перед глазами коррехидора продолжали мелькать отвратительные всполохи, а почерк чародейки был настолько мелко-бисерным и до отвращения аккуратным, что коррехидора замутило при первой же попытке прочесть написанное.

— У вас не осталось чудодейственной мази, — поморщившись, спросил он, — головная боль наваливается с новой силой.

Рика молча вытащила из сумки баночку и втёрла остатки в лоб и виски начальника. Потом подумала и последние капли нанесла сзади на шею.

— Боюсь, это поможет на совсем короткое время, — проговорила она, заклиниванием убирая с рук остатки пахучей мази, — вы хоть что-то ели сегодня?

— Пытался позавтракать, — пожал плечами мужчина, — меня мутит с самого утра, так что, боюсь, основным моим рационом была чашка крепкого кофе.

— Плохо. При мигрени надо поесть.

— Да меня, извините за интимную подробность, просто наизнанку вывернет, если я попытаюсь запихнуть в себя хоть что-то.

— Не вывернет, — усмехнулась Рика, — я тоже так говорила, пока бабушка не пригрозила банальной поркой розгами. Вы ведь видели мою бабушку?

Вил кивнул. Маленькая седовласая жрица бога смерти Ирару произвела на него впечатление нестигаемой женщины. Когда он привёз перебравшую маны чародейку в родное гнездо, то имел длительную беседу со старой госпожой Таками. Во время разговора она буквально устроила ему допрос о том, что случилось в Оккунари. Допрос этот был подробным и строгим. Поэтому коррехидор ни на секунду не сомневался, что бабушка высекла бы заупрямившуюся внучку.

— Я тоже страдаю мигренями с малых лет, — продолжала чародейка, приняв поднос у деликатно постучавшего Турады, — и отлично знаю, как во время подобных приступов не хочется есть. Однако же, поесть просто необходимо. Пейте чай, потом мы с вами поедем в ресторан обедать, а по дороге завернём в аптеку за нормальным обезболивающим. Я всё-таки по части лечения слабовата.

Девушка налила полную чашку чая и добавила три ложки сахара.

— Хотите, чтобы я скончался прямо на рабочем месте? – кисло улыбнулся Вил.

Он не клал сахар ни в чай, ни в кофе.

— Пейте без разговоров. Считайте, что это – лекарство.

Чародейка проговорила прямо в чай пару непонятных фраз, заставивших поверхность напитка вспухнуть несколькими большими пузырями, после чего протянула напиток сидевшему с мученическим видом коррехидору. Тот взял чашку и безропотно проглотил совершенно испорченный с его точки зрения чай. Зато ему сразу стало легче, боль ослабела, как-то съёжилась, отъехав к затылку.

— Вижу, сработало, — Рика выглядела довольной, — я только читала о таком способе, и вот выдалась возможность впервые опробовать его на вас.

— Вы бы уж лучше сразу на короле попробовали, — усмехнулся коррехидор, — не кажется ли вам, что четвёртый сын Дубового клана слишком знатен, чтобы выступать в роли подопытной крысы?

— Вам абсолютно ничего не грозило, — повела бровью девушка, — даже расстройство желудка. В самом худшем случае вылили бы кисший чай, и всё. Пузыри лопнули с ванильным ароматом, а это означало, что заклинание легло так, как надо. Неужели вы могли подумать, что я дала бы вам выпить нечто не получившееся?

Вил отрицательно качнул головой, хотя в душе не был так уж уверен.

— Какой ваш любимый ресторан? – деловито осведомилась чародейка, — «Дом шоколадных грёз» можете даже не предлагать, вам надо нормально поесть, а не баловаться шоколадными пирожными, шоколадными блинчиками и горячим шоколадом.

— Там, спешу сообщить, не только сладкое подают, — сказал Вил, — у них отличнейшие стейки из свинины. Нашей, оккнарской. Но прежде придётся заехать к госпоже Дайяма, не сомневаюсь, его величество Элиас либо сам позвонит отцу, либо велит секретарю узнать, насколько серьёзно я отнёсся к его поручению. И, коли узнает, что я обедаю в «Грёзах» вместо визита к вдове павшего на дуэли гвардейца, монаршему гневу не будет границ. Так что, сначала – дело, потом – удовольствие. Так любил говаривать Фибс, когда в детстве я не горел желанием садиться за уроки.

Убитый на дуэли гвардейский поручик при жизни владел собственным домом, адрес которого успел раздобыть вездесущий Турада, здраво рассудивший, что приказ монарха надо будет исполнять. Дом хоть и не был особо большим и роскошным, но располагался на тихой улице у подножия Шелковичного холма.

Одного взгляда на Морику Дайяму было достаточно, чтобы понять, слово «красавица» в её адрес произносилось на полном серьёзе. К Вилу и Рике вышла высокая, стройная, молодая

женщина в траурном, чёрном кимоно с традиционными эмблемами родов Яхаба и Дайяма. Но ни это печальное одеяние, ни гладко зачёсанные волосы не могли скрыть её красоту.

В холле на домашнем алтаре в окружении белоснежных, траурных лилий стоял портрет молодого мужчины с беззаботным взглядом смеющихся глаз, здоровым румянцем и готовыми расплыться в улыбке губами. Это и был погибший Никки Дайяма.

Хозяйка дома поклонилась и предложила присесть. Она не знала ни коррехидора, ни его спутницы, поэтому приняла их за очередных родственников или знакомых супруга, пришедших в её дом с целью выразить соболезнования.

— Я очень тронута, — она поклонилась ещё раз и тоже присела, — уверена, Никки был бы рад видеть вас.

Прекрасное лицо было безмятежно спокойно, но выпрямленная спина выдавала внутреннее напряжение.

— Простите, но мы не имеем отношения к родне вашего покойного супруга, — проговорил Вилохэд, доставая свой служебный амулет, — я – коррехидор Кленфилда полковник Окку, а сопровождает меня коронер его величества мистрис Эрика Таками.

— Да, — чуть сдавленным голосом ответила Морики, — этого следовало бы ожидать. Любая смерть, последовавшая от неестественных причин, непременно попадает в сферу внимания Королевской службы дневной безопасности и ночного покоя. Даже, если это – дуэль, а не банальное убийство. Я слушаю вас, милорд.

— Начну с того, что выражу вам соболезнования от лица Кленовой короны и его величества Элиаса лично, — Вил чуть поклонился, — затем выражу соболезнования от лица Совета Кланов и Дубового клана, младшим сыном которого я имею честь быть. Ещё его величество поручил мне узнать, какое вспомоществование может быть оказано вам Кленовой короной, Советом кланов и нашим кланом. Ибо всем известно, что Тисовый клан не только всегда сотрудничал с Дубовым, но и сражался плечом к плечу в эпоху Воюющих кланов.

Рика не могла не восхититься, с каким достоинством Вил произнёс эти слова.

— Премного благодарна за столь высокую честь, — госпожа Дайяма встала и поклонилась самым вежливым поклоном, — ваши слова делают бремя горя менее тяжким.

Она снова села.

— Тисовый клан в целом не испытывает материальных затруднений, как и моя семья в частности. Однако ж, не желая обидеть столь высоких особ в их щедрости, я донесу слова четвёртого сына Дубового клана до своего отца, а он, в свою очередь, передаст их главе Тисового клана. О принятом решении Дубовый клан будет извещён в свой час.

Совершенное лицо, достойное вдохновлять художников и поэтов, оставалось спокойным и бесстрастным, словно прекрасная маска. Женщина ждала, не изволит ли высокий гость изречь что-то ещё.

— Я прекрасно понимаю ваше состояние на данный момент, — продолжал Вил уже гораздо менее официально, — однако ж, мой служебный долг вынуждает задать вам несколько вопросов, непосредственно касающихся дуэли вашего супруга с господином Майро Окири.

Морики кивнула.

— Конечно, можете спрашивать без стеснения. Я прекрасно понимаю, что моё горе никоим образом не должно мешать работе Королевской службы дневной безопасности и ночного покоя. Из ветвей тиса издревле делали луки. Женщину Тисового клана можно согнуть, но сложно сломать. Не беспокойтесь, я не устрою истерику и не стану рыдать перед вами.

— Никогда не сомневался в стойкости женщин вашего клана, — подбабляющей фразой ответил коррехидор, — посему начнём. В котором часу привезли труп вашего мужа?

— Я не могу назвать вам точное время. Где-то между половиной третьего и четырьмя часами утра.

— Вам были знакомы мужчины, сделавшие это?

— Конечно, — слегка склонила голову Мориго, — но я не понимаю, почему вы употребляете множественное число? Привёз моего бедного Никки Майро, и был он один. Майро Окири я, естественно, знаю. Вы пришли ко мне во второй половине дня, — вслух рассуждала женщина, — это позволяет мне предположить, что до меня вы успели переговорить с самим Майро, а также с секундантами, которые были на дуэли. Значит, кто-то из них уже мог вам сообщить, что Майро Окири числился среди моих поклонников. Причём он не просто относился к почитателям моей красоты, — женщина усмехнулась с горькой иронией, — а входил в ближний круг соискателей моей руки и сердца.

— Да, — согласился Вил, — Королевская служба дневной безопасности и ночного покоя располагает подобной информацией. Вы вышли за Никки Дайяму по требованию Тисового клана и семьи Яхаба?

— Требование клана? — чёткие, словно нарисованные кистью умелого художника брови вдовы взлетели вверх, — какая несусветная чушь! Никто не принуждал меня, а уж тем более не давил. Из двоих поклонников я выбрала того, кого полюбила от всего сердца.

— Но Окири — известный писатель и популярен в офицерской среде, — вставила чародейка.

— Мне-то какое до этого дело? Майро бывает весьма мил, но это происходит лишь в те моменты, когда на него находит охота нравиться, а случается это не так уж и часто. Иметь в мужьях (пусть даже трижды талантливого) человека, который склонен язвить по поводу и без, обижаться, подобно пятилетнему избалованному мальчишке, месяцами таить и лелеять свои обиды, а при случае припоминать их все за последние двадцать лет? Увольте меня от подобного «счастья»! Мой Никки был его полнейшей противоположностью. Я всегда удивлялась, что настолько разные мужчины могут по-настоящему дружить. Никки прощал другу всё, любые выходки, грубые шуточки, идиотские розыгрыши, порой не самого хорошего толку. Когда я пыталась вразумить его, он неизменно повторял, раз Майро — несчастный человек, а моему Никки так много дано счастья, то он просто обязан быть терпеливым по отношению к другу детства, всячески поддерживать его и оберегать. Словно в том, что Майро не повезло по части внешности и характера виноват Никки!

— А как Майро отнёсся к тому, что вы отдали предпочтение его другу?

— Никак, — последовал ответ, — он просто не мог КАК-ТО отнестись, ведь Майро мне даже в любви не признавался, не то, чтобы предложение руки и сердца делать. И с отцом моим он тоже не говорил. В самых неожиданных местах оставлял записочки с романтическими стихами своего собственного сочинения. Ах, да, ещё набросал мой портрет. На этом всё. Никки же объяснился, сделал мне предложение и получил положительный ответ, после чего официально попросил моей руки у отца. Майро нас поздравил и был шафером на нашей свадьбе, шутиво именуя себя нашим сватом. Ведь именно благодаря его стараниям они оба стали вхожи в наш дом.

— Значит, Окири привёз сражённого на дуэли товарища один, — словно бы самому себе заметил Вил.

— Совершенно. И, знаете, что я тогда подумала, — госпожа Дайяма подняла на корректора свои большие, печальные глаза, — я подумала, почему он один? Совсем недавно я прочла «Бескрылого коршуна» — знаменитый роман Эпохи эlegantности. В нём как раз описывалась дуэль, на которой был убит известный поэт Агивáро но Тайра. Разве не на секундантов убитого ложится тяжёлая миссия по перевозке трупа? Или я ошибаюсь?

— Не думаю, что могу считать себя достаточно информированным в этом вопросе, — проговорил Вил, — но по логике, да. Господин Окири как-нибудь объяснил, почему он был совершенно один?

— Он сказал, что все остальные офицеры отправились на ночные дежурства.

— Кстати, — Рика даже подалась вперёд, — куда попала пуля, убившая вашего мужа?

Морико побледнела и проглотила подступившие слёзы.

— Пуля вошла в лоб, прямо между бровями.

— Скажите, пулевое отверстие было ровным или же нет, и какого размера оно было?

— Эрика, — остановил поток профессиональных вопросов коррехидор, — не думаю, что госпожа Дайяма сможет достаточно точно и достоверно ответить на ваши вопросы. Будет лучше, если вы сами осмотрите тело. Мы можем сделать это, госпожа Дайяма?

— Моего бедного Никки забрали для подготовки к церемонии погребения, которая состоится послезавтра в семейном храме Яхаба, поскольку положение нашей семьи выше, чем у семьи Дайяма. Родители Никки уже выехали из имения.

— Какая похоронная контора занимается погребением?

— «Слёзы цветов», — ответила женщина, — у них просто великолепный зал и заслуженная репутация. Поэтому наша семья выбрала именно их.

Рика хотела было задать ещё один вопрос, но Вил побоялся очередной бестактности, быстро увёл девушку прочь.

— Вы что, с ума сошли? — встряхнул он её за плечо, когда они уже оказались за воротами с изображением тисовых ветвей. — С чего это вы вздумали расспрашивать женщину, потерявшую любимого супруга, какой формы у него на лбу было пулевое отверстие! Такую душевную чёрствость ещё поискать! Про эмпатию слышать не доводилось?

— Для некромантов эмпатия строго противопоказана, — насуплено ответила Рика, освободив свою руку, — блокировать чужие эмоции — один из первых навыков, каким нас учат чуть ли не с пелёнок. Представьте себе, каково было бы постоянно воспринимать эманации смерти и боли. Нам ведь и жертвы приходится временами приносить.

Вил кивнул. Он знал, что богу смерти жертвуют мелких животных и домашнюю птицу.

— Однако, вне этого процесса эмпатию включать надо, чтобы не превратиться в бездушную оболочку, у которой профессиональные интересы доминируют над элементарным состраданием, — проговорил он, усаживаясь в магомобиль.

— Я, между прочим, для вас старалась, — обиделась чародейка, — сами же говорили, что его величество станет интересоваться, как вы ведёте разбирательство.

— Вряд ли его удовлетворит ответ, что вместе с соболезнаваниями от Кленовой короны вдову расспрашивали о форме пулевого отверстия во лбу её незабвенного супруга, — сыронизировал коррехидор.

Рика хотела уже разразиться гневно-ядовитой тирадой по поводу чувствительности некоторых представителей древних родов, но потом взглянула на бледное лицо Вила, вырывающего со стоянки неподалёку от дома Дайямы, вспомнила про мигрень и решила на этот раз простить ему бестактность.

— Едем в похоронное бюро? — как ни в чём не бывало спросила она.

— Уверен, вам никто не позволит копаться в трупе, пока его со всеми подобающими условностями готовят к церемонии погребения, — усмехнулся Вил, — поэтому заедем в коррехидорию. Я подготовлю предписание по обследованию и вскрытию трупа Никки Дайямы. Турада отвезёт его им, а завтра с утра дуэлист будет в полном вашем распоряжении. После этого — обед. Вы правы, я чувствую, что сильно проголодался.

— Не боитесь жалоб со стороны родственников усопшего? — с сомнением спросила чародейка, — вдруг Тисовый клан устроит скандал?

— Не думаю, особенно, если вы не станете тянуть со вскрытием.

— Что мне искать?

— Не знаю, — пожал плечами коррехидор, — но вся эта странная история с дуэлью на Комендантской дамбе вызывает во мне неприятное, царапающее душу чувство. Можете считать это интуицией или же простой мнительностью, но мне кажется, что тут далеко не всё чисто.

— Тем паче, что двое секундантов сознались, что не были на месте дуэли, — подхватила чародейка.

Глава 4 Волшебство без волшебства

За обедом Рика категорически запретила своему начальнику разговаривать о делах. Он поглядел на неё немного странным взглядом, но подчинился, и их беседа перешла в область литературы. Естественно, и Майро Окири напросился на язык сам собой.

— Рискну нарушить запрет моего строго доктора, — улыбнулся Вил, на которого благотворно подействовала съеденная отбивная из оккунарской свинины и болеутоляющий порошок, — но мне кажется, что известность Мастера Окимай несколько преувеличена его почитателем в лице молодого гвардейца Изуми.

— Моя подруга Эни частенько покупает журнал, в котором печатается Окири, — ответила Рика. Ей наскучила светская беседа, и она с восторгом вернулась к обсуждению обстоятельств дуэли. — Однако ж восторгов по поводу таланта этого писателя я от неё не слышала. Хотя Эни, кроме романтики, ничего особо не интересует. Будь Окири хоть трижды талантлив, она лишь пожмёт плечами и заявит, что детективы — не её стезя. И ещё, вас не удивило, что о псевдониме Окири знают все, кому не лень? Младший соученик по Школе гвардейских подпрапорщиков, — девушка выразительно отогнула один палец, — вдова Дайяма, — к первому пальцу присоединился второй, — да и ещё боги знают сколько народа были посвящены в эту тайну. Зачем тогда ему псевдоним понадобился вообще? Ведь согласно старой делийской поговорке: «Что знают двое, знает каждая собака». А двое у нас уже в наличии.

Она допила кофе.

— Давайте я попробую объяснить сей феномен, — проговорил Вил, подливая себе из кофейника.

Он хотел долить и чародейке, но та отрицательно качнула головой. Кофе в «Доме шоколадных грёз» был выше всяких похвал, но третья чашка в Рику уже бы не влезла.

— Как вы думаете, зачем Окири занялся литературной деятельностью? — спросил корехидор.

— Не знаю. Чтобы убить время, чтобы поделиться с миром своими мыслями, чтобы прославиться. Правда, для последней причины более чем странно писать под псевдонимом, — заметила девушка.

— Отнюдь. Попытка могла обернуться и неудачей. Незамеченный публикой рассказ или повесть какого-то Мастера Окимай не имеет никакого отношения к бравому подпрапорщику, даже в мыслях не держащего ерунды, подобной написанию книг.

Вил усмехнулся.

— Кто такой этот ваш Мастер Окимай? — продолжал он, — знать не знаю, ведать не ведаю. Какой-то бездарный неудачник. Майро Окири только руками разведёт. Да и нет у кадрового офицера столько свободного времени, чтобы рассказы писать. Но вот, если детективы станут популярны, тогда другое дело. Оброненное якобы случайно словцо, псевдопьяная болтовня, раскрытие «страшной» тайны псевдонима, сопровождаемое взятием обета молчания, просто не могут не сработать в противоположную сторону.

— Полагаете, Окири сознательно рассказал тем и этим о своей связи с Мастером Окимай? — прищурилась чародейка.

— Уверен, — последовал ответ, — ведь его горячий почитатель Тассэ Изуми не поленился сообщить нам, что псевдоним собран из иероглифов имени и фамилии автора.

— Что же тогда получается, — проговорила Рика, раздумывая, стоит ли ей съесть ещё одно шоколадное печенье или не стоит, — сначала Окири схитрил, чтобы никто не узнал о его литературных поползновениях, а, когда мирская слава осенила его своим крылом, расстроился, что известность выпала на долю несуществующего Мастера Окимай, и решил раскрыть тайну своего псевдонима?

— Да, причём раскрыл он эту тайну осторожно, не орал на всех углах: «Я и есть Мастер Окимай!», а сообщил информацию лишь некоторым. Не удивлюсь, если он сам распускал про себя сплетни.

— К чему все эти сложности? – спросила чародейка, — вы прямо целую секретную операцию придумали, почти что дворцовую интригу закрутили.

— Ни один человек из наших горе-секундантов не утверждал, будто бы Майро Окири прост, как монета в пять сэнов, — по своему обыкновению издавек начал коррехидор, — это подтверждается мнением госпожи Дайямы и моими собственными впечатлениями от личного общения с подпоручиком. Представьте себе человека внешне непривлекательного, низкорослого, но при этом попавшего в среду, где статность и рост играют не последнюю роль. Я вам уже говорил, что в гвардейцы берут высоких парней с более светлыми волосами. Окири чуть повыше вас будет. Прекрасная причина для страдания. Не удивлюсь, если все эти его колкости, шуточки, оскорбления по поводу и без — не что иное, как попытка возвыситься в своих же собственных глазах и вместе с этим унижить тех, кому больше повезло по части внешности. Это, кстати, совершенно не противоречит стремлению прославиться на литературном поприще, доказав собственное превосходство.

Чародейка кивнула. Она пока не видела подпрапорщика Окири, но со слов Вила перед её мысленным взором предстал завистливый и малопрятный тип, но при этом далеко не лишённый личного обаяния, который на фоне статного и красивого друга детства выглядел особенно жалким.

— Но сама дуэль! – продолжал рассуждать коррехидор. — Очень надеюсь, что все участники будут помалкивать о произошедшем этой ночью на Комендантской дамбе. Если газетчики прознают, держись. Начнётся сотрясение воздуха и риторические вопросы, которые так любят обыватели. Напишут что-нибудь вроде: «До каких пор Кленовая корона будет терпеть безобразия и вольности в армии! Добро бы происходило это в дальнем, заштатном гарнизоне, а тут прямо в столице, в элитном полку, что осуществляет охрану самого государя. В офицерском клубе «Золотой эполет» — месте дружеского общения офицеров-самоцветов после полуночи не нашлось четверых достаточно трезвых мужчин, чтобы осуществить поединок по всем правилам!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.